

СУДЬБА ПРЕЖИХЪ
СЛАВЯНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

(по поводу тысячелѣтїя Россїи).

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ БАХМЕТЕВА.
1862.

Одобрено цензурой, Москва, Сентября 6, 1862 г.
(Изъ газеты „День“ № 36.)

СУДЬБА ПРЕЖНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

(по поводу тысячелѣтія Россіи).

Въ настоящемъ году празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства. У насъ, въ Россіи, гдѣ вообще мистицизмъ мало развитъ и цифръ 1000 не приписывается чрезвычайнаго, таинственнаго смысла, публика, по всей вѣроятности, не придаетъ особеннаго значенія этому событію: для большинства тысячелѣтіе едва ли покажется знаменательнѣе какого-нибудь 998-лѣтія или 1003-лѣтія; народъ же нашъ, мы полагаемъ, остается едва ли не равнодушнымъ, когда ему говорятъ, что Русскому государству минуло тысяча лѣтъ. Однимъ словомъ, собственно для самой Россіи, тысячелѣтіе ея не составляетъ ничего особенно знаменательнаго.

Но въ отношеніи къ другимъ Славянскимъ народамъ событіе это получаетъ иной смыслъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы Славяне стали

праздновать тысячелѣтіе Россіи какими-нибудь церемоніями; по разнымъ обстоятельствамъ у однихъ нѣтъ къ тому охоты, у другихъ возможности, а большинство, вѣроятно, и не знаетъ о томъ, что такое 1862 годъ для Русскаго государства. Находятся однако, мы увѣрены, между Славянами люди, вникающіе въ историческую судьбу своего племени, которые глубоко обрадовались тысячелѣтію Россіи, глубоко задумались надъ нимъ, — обрадовались этому событію и задумались надъ нимъ болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто-либо въ самой Россіи. Дѣйствительно, тысячелѣтіе Россіи является вполне знаменательнымъ историческимъ фактомъ только въ сравненіи съ судьбою другихъ Славянскихъ земель. Мы, разумѣется, отстраняемъ тутъ всякій мистицизмъ; мы, подобно читателямъ нашимъ, не видимъ, чтобы цифра 1000 сама-по-себѣ имѣла особенное значеніе, въ родѣ того, напримѣръ, какое находили въ ней древніе Римляне, когда они съ таинственнымъ трепетомъ встрѣчали тысячелѣтіе всемирной своей державы.

Нѣтъ; но цифра эта представляется гранью, черезъ которую не перешло ни одно изъ прежде бывшихъ государствъ Славянскихъ. Единственный между Славянскими народами, народъ Русскій переходитъ эту грань, вступаетъ во второе тысячелѣтіе государственнаго бытія. Государство Чешское, даже если возможно возвести его начало къ полумифическому Само (627 г.) и продолжить его существованіе на столѣтіе, въ которое Чешское государство,

по присоединеніи къ Австрійской монархіи, сохраняло еще внутреннюю автономію. т. е. до 1620 г. даже и въ такомъ случаѣ Чешское государство семью годами не дожило до тысячелѣтія. Государство Польское простояло 935 лѣтъ (860—1795). Въкъ прочихъ Славянскихъ государствъ былъ еще короче: государство Сербское прожило нѣсколько болѣе 800 лѣтъ (640 — 1438), государство Болгарское, и то съ большими перерывами, 715 лѣтъ (678—1393), государство Хорватское менѣе пяти столѣтій (638—1102); о прочихъ, возникавшихъ въ разное время и еще менѣе долговѣчныхъ Славянскихъ государствахъ мы не говоримъ. Вотъ именно въ сравненіи съ этими цифрами, тысячелѣтіе Россіи можетъ быть названо явленіемъ дѣйствительно знаменательнымъ, получаетъ смыслъ факта историческаго плн, вѣрнѣе сказать, живаго свидѣтельства, заявленнаго исторіею. Надъ свидѣтельствомъ этимъ намъ, и въ особенности другимъ Славянамъ, нельзя не призадуматься: отчего существованіе всѣхъ прочихъ Славянскихъ государствъ было такъ кратковременно, что ни одно изъ нихъ не дожило до тысячелѣтія, и оно для нихъ представляется какимъ то роковымъ, недостижимымъ предѣломъ? отчего всѣ они менѣе чѣмъ въ десять вѣковъ совершили полный кругъ бытія своего, отъ темнаго заложенія государственнаго порядка какимъ-нибудь Самомъ плн Пястомъ, до совершеннаго разрушенія, до Бѣлогорской битвы и Косцюшкова «*finis Poloniae*»? и отчего же въ Русской землѣ этого роковаго цыкла, въ ко-

торый вмѣстилась вся жизнь другихъ Славянскихъ государствъ, отъ колыбели до могилы, — тысячелѣтія едва достало на внѣшній ростъ и сложеніе государственнаго организма, и на грани втораго тысячелѣтія ей предстоитъ *еще только въ будущемъ* — фазисъ внутренняго самосознанія, внутренней самодѣятельности?

Есть надъ чѣмъ задуматься; но кто изъ насъ въ силахъ разрѣшить эти вопросы, когда, съ одной стороны, исторія прежде бывшихъ, западныхъ и южныхъ, Славянскихъ государствъ, хотя уже завершенная и потому доступная полному всестороннему сужденію (*), еще такъ мало приведена въ извѣстность или же такъ искажена современными страстіями, что дѣйствительный смыслъ ея остается покуда почти непонятнымъ, а съ другой стороны, исторія Россіи не подлежитъ окончательному приговору: ибо хотя мы, болѣе или менѣе, знаемъ, какія начала въ ней развивались и какія въ ней дѣйствовали силы, но результаты, къ которымъ она направляется, покрыты непроницаемою завѣсою будущаго. Настоящая минута, когда празднуется тысячелѣтіе Русскаго государства, невольно вызоветъ во многихъ изъ насъ желаніе оглянуться на судьбу другихъ государствъ Славянскихъ, обнять ее взоромъ и сравнить въ общихъ чертахъ съ судьбою Россіи. Но къ какимъ бы выводамъ ни привело

(*) Я говорю, разумѣется, объ исторіи *государствъ*, а не о самихъ народахъ, которые пережили паденіе своихъ государствъ.

такое сравненіе, никто изъ насъ не рѣшится приписать имъ болѣе, чѣмъ приблизительную, а часто только гадательную вѣрность. Не станемъ однако воздерживаться отъ подобныхъ сужденій и выводовъ изъ опасенія односторонности и неточности. Одни частные факты удовлетворить насъ не могутъ; мысль наша невольно требуетъ обобщенія, заключенія, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о собственной семьѣ народной. А если бы стали утверждать, какъ намъ не разъ приходилось слышать, что не время еще думать объ общихъ выводахъ относительно исторіи Славянъ, — такъ какъ фактическая сторона ея еще слишкомъ мало разработана, — то мы позволимъ себѣ указать на примѣръ естественныхъ наукъ. Тамъ попытки обобщеній признаются полезными и нужными даже тогда, когда частные факты еще мало приведены въ извѣстность и обследованы. Въ послѣдствіи, общій взглядъ на нихъ дополнится, измѣнится, замѣнится другимъ; но обобщеніе не бываетъ лишнимъ и при началѣ развитія науки, для самого уясненія фактовъ, для отысканія ихъ соотношеній, для направленія мысли отъ данныхъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ.

Какъ обобщеніе въ наукахъ естественныхъ исходитъ изъ того положенія, что все въ природѣ подчинено непреложному закону, точно также, разумѣется, обобщенію явленій историческихъ мы должны предпослать признаніе основною, несомнѣнною истинною — что исторія не есть простое

сѣщеніе случайностей. Если бы судьба народовъ не обуславливалась своими законами, то какое значеніе имѣлъ бы для насъ, положимъ, тотъ фактъ, что изъ всѣхъ Славянскихъ земель одна Россія создала государство долговѣчное? Это зависѣло, сказали бы мы тогда, отъ такихъ-то и такихъ-то внѣшнихъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, которыя могли и не быть или быть иначе. такъ что, на примѣръ, Россія и не простояла бы тысячу лѣтъ, а гдѣ нибудь въ другой Славянской землѣ образовалось бы государство сильное и прочное.

Не отвергая огромнаго вліянія на судьбу каждаго народа—внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣющихъ въ отношеніи къ нему характеръ случайности (хотя и онѣ, сами по себѣ, суть плодъ историческихъ законовъ), мы думаемъ, что дѣйствіе на народъ этихъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ опредѣляется внутренними условіями его собственной жизни. Посредственно или непосредственно, исторія народа создается его органическими законами, которые, непосредственно, обуславливаютъ его внутреннее развитіе, посредственно же опредѣляютъ дѣйствіе на это развитіе внѣшнихъ обстоятельствъ.—Взглянемъ на исторію Польши. Всякій знаетъ то стеченіе внѣшнихъ обстоятельствъ, которое положило конецъ Польскому государству; но кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ на судьбу Польши было обусловлено внутреннимъ ея разрушеніемъ? Внут-

реинее разрушеніе Польши произошло, какъ извѣстно, отъ ненормальнаго развитія шляхетскаго сословія, отъ водворенія въ странѣ совершенно чуждаго городского класса (Нѣмецкіе мѣщане; Магдебургское право; Жиды), наконецъ отъ вліянія римско-католическихъ идей, которыя въ крайности своей выразились въ іезуитахъ, этихъ отравителей Польши. И шляхта, и Нѣмецкое мѣщанство съ Жидами, и римскія церковныя идеи, все это было, очевидно, чужое первоначальной Славянской почвѣ Польши. Зерна всѣхъ этихъ началъ были, мы знаемъ, занесены на Славянскую почву Польши случайнымъ, вѣтшинымъ ея соприкосновеніемъ съ средневѣковымъ Западомъ: но отчего эти чужія зерна такъ сильно въ ней принялись, какимъ образомъ могли они развиться на ней такъ могущественно, что притянули къ себѣ всѣ ея жизненные соки и заглушили на Польской почвѣ природный ростъ ея первоначальныхъ, Славянскихъ началъ? Позволимъ себѣ отложить, на нѣкоторое время, разсмотрѣніе этихъ вопросовъ и перейти къ другому Славянскому государству, также не дожившему до тысячелѣтія, къ Чехіи. Выпкнувъ въ исторію Чешскаго государства, мы потомъ легче объяснимъ себѣ историческую судьбу Польши.

Развитіе Чехіи до конца XIV вѣка шло паралельно и, можно сказать, тождественно съ совершавшимся въ то же время развитіемъ Польши. Вся эта эпоха въ исторіи Чехіи ознаменовывается постепеннымъ подчиненіемъ ея западной Европѣ, постепеннымъ сближеніемъ и, такъ сказать, сращеніемъ Чешскаго государства съ Латино-Германскимъ міромъ.

Чешскій народъ былъ малъ и слабъ. Значительною частью границъ своихъ онъ соприкасался непосредственно съ населеніемъ Нѣмецкимъ. Нѣмцы имѣли надъ нимъ громадный перевѣсъ общирности владѣній, числа, и матеріальныхъ средствъ. Отношенія ихъ не могли съ древнѣйшихъ временъ не быть крайне враждебными. Опасность положенія заставила Чеховъ ранѣе другихъ Славянскихъ племенъ приняться за государственную организацію, — и съ самаго же начала политическаго бытія своего, народъ этотъ ощутилъ потребность въ единеніи съ другими землями Славянскими. Можно ска-

зять, что идея Славянской федерации также стара между Чехами, какъ самая ихъ политическая жизнь: первый устроитель Чешскаго государства, Само (*), является вмѣстѣ съ тѣмъ главою союза западныхъ Славянскихъ народовъ, общими силами сражающихся за свою независимость противъ Нѣмцевъ и Аваровъ. Съ той поры идея такого союза три раза возобновлялась въ древнѣйшую эпоху Чешской исторіи, и каждый разъ—главное, что побуждало западные Славянскіе народы къ сближенію, была необходимость борьбы съ Германіею. Со времянь Карла Великаго, она смотрѣла на этихъ Славянъ, какъ на подданныхъ, принадлежавшихъ ей по праву: въ этомъ случаѣ завоевательныя стремленія Нѣмецкаго племени находили себѣ оправданіе и поощреніе въ представленіи о Германскомъ государѣ, какъ вселенскомъ монархѣ, преемникѣ Римскихъ императоровъ, призванномъ къ верховной власти надъ христіанскимъ міромъ и къ покоренію варварскихъ народовъ. Завоеванія Карла Великаго и его наслѣдниковъ вызвали у западныхъ Славянъ въ концѣ IX вѣка федерацію, средоточіемъ которой сдѣлалась Моравія и земля Прикарпатская (такъ наз. Велико-Моравское государство): Чехія добровольно подчинилась главѣ этого союза. Но не достало духа единства и выдержки для того, чтобы упрочить политическое зданіе, которое нѣсколько времени обнимало весь западный Славянскій міръ отъ

(*) Въ первой половинѣ VII вѣка.

средней Эльбы до границъ Болгарія. Вторженіе Венгровъ не встрѣтило достаточнаго сопротивленія, и они завоевали самый центръ этой федераціи, земли между Карпатами, Дравою и Дунаемъ. Отрѣзанная отъ южнаго Славинства и предоставленная собственнымъ силамъ, Чехія тотчасъ должна была поддаться Германіи. Но дѣло не обошлось безъ упорной борьбы. Нѣсколько разъ въ теченіе X вѣка старалась Чехія освободиться отъ этой зависимости. Однако борьба была ей не по силамъ, и самые воинственные князья Чешскіе принуждаемы были склоняться, какъ вассалы, передъ государями Нѣмецкими. Въ концѣ X вѣка была сдѣлана новая попытка собрать въ одно цѣлое разрозненные земли западныхъ Славянъ. Сама Чехія стала во главѣ большаго Славянскаго государства, заключавшаго въ себѣ, кромѣ Моравіи и Слезіи, оба склона Карпатскихъ горъ до верховьевъ Дунастра. Но и въ этотъ разъ силы притяженія оказалось слишкомъ мало, такъ что государство, созданное могущественными Болеславами Чешскими, распалось тотчасъ послѣ смерти втораго изъ нихъ (*). А когда, вслѣдъ за тѣмъ, на борьбу съ Германіей для освобожденія западнаго Славинства выступила Польша, когда ея королемъ (Болеславомъ Храбрымъ) сдѣлана была третья попытка связать западныхъ Славянъ въ одно политическое тѣло и

(*) Болеславъ II умеръ въ 999 г.

онъ захотѣлъ включить въ эту державу и Чеховъ, то Чехи бросились въ объятія Германіи и съ ея помощью избавились отъ владычества Польскаго государя: но за то земля Чешская вошла навсегда, какъ вассальная страна, въ предѣлы Римско-Нѣмецкой имперіи (1002—1004 г.).

Этимъ кончается первый періодъ Чешской исторіи, періодъ первобытной Славянской жизни. Въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, Чехія все болѣе и болѣе втягивается въ міръ Западно-Европейскій. Продолжительное дробленіе государства на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей (1055—1197) способствовали, разумѣется, утвержденію вліянія Германіи. Это было время разложенія прежняго Славянскаго быта подъ дѣйствіемъ Западно-Европейскихъ средневѣковыхъ понятій и учрежденій. Прошла наконецъ эта хаотическая эпоха; Чешское государство устроилось вновь и могло выступить дѣятельнѣе въ исторіи. Нѣсколько разъ въ теченіе XIII и XIV в. оно поднимается до значительной высоты могущества и вліянія. Но государство Отакаровъ и Карла IV, по своему духу, по гражданскому своему устройству и быту обществу, принадлежитъ уже болѣе Латино-Германскому Западу, чѣмъ міру Славянскому. Оно создало у себя шляхетское сословіе, съ знатными *панами*, которые живутъ въ своихъ замкахъ подобно баронамъ Нѣмецкимъ. и съ простымъ рыцарствомъ, которое соревнуеть съ рыцарями Французскими и Нѣмецкими въ соблюденіи всѣхъ за-

коновъ и обычаевъ средневѣковаго благороднаго сословія. Оно учредило себѣ города на особомъ Нѣмецкомъ правѣ и населило ихъ бюргерами, призванными изъ Германіи; оно наполнило свои владѣнія иностранными колонистами, выгородивъ ихъ изъ общаго земскаго права, и самое право это постепенно приблизило къ началамъ Германскаго феодальнаго порядка. Свое древнее Славянское вѣче оно превратило въ сколокъ съ средневѣковыхъ Западно-Европейскихъ сеймовъ благороднаго и мѣщанскаго сословія. Оно стало въ рядъ самыхъ рѣвностнѣйшихъ католическихъ державъ: Римская церковь, подъ вліяніемъ Германіи водворившаяся въ Чехіи вмѣсто восточнаго исповѣданія, принятаго ею первоначально, во время соединенія съ державою Велико-Моравскою, — Римская церковь мало-по-малу пріобрѣла въ Чешскомъ королевствѣ такія богатства и такое значеніе жизни, какими пользовалась даже не во всѣхъ Германскихъ и Романскихъ земляхъ. Славянскія начала были совершенно подавлены плп сглажены въ тогдашней Чехіи. Велика была сила Отакара I, его сына короля Вячеслава, и особенно Отакара II, блистательнаго завоевателя и рыцаря; но ни одинъ изъ этихъ государей не думалъ уже, какъ въ старину ихъ предшественники, воспользоваться своимъ могуществомъ для того, чтобы разорвать ослабѣвшую, при тогдашнемъ упадкѣ императорской власти, цѣпь вассальныхъ отношеній Чешской земли къ Германіи. Напротивъ того, они

дорожили титуломъ и правами имперскаго курфирста, политика ихъ была тѣсно связана со всеми внутренними дѣлами Германіи. А въ XIV вѣкѣ, при Карлѣ IV, Чехія была уже не только вполнѣ Западно-Европейскимъ государствомъ: она сама сдѣлалась главою «священной Римской имперіи Нѣмецкой націи (heiliges römische Reich deutscher Nation)»; король Чешскій, вѣнчанный въ Римѣ короною цесарей, сталъ въ челѣ Западно-Европейскихъ государей, и столица его, старо-Славянская Прага, сдѣлалась центромъ политической и умственной жизни Германіи. Чехія до такой степени усвоила себя тогдашнюю Западно-Европейскую образованность, что стала главнымъ разсадникомъ ея для всѣхъ Нѣмецкихъ земель (*). Мало того, что Чехія въ общественномъ устройствѣ и бытѣ своемъ утратила все Славянское; она даже внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, переставала быть Славянскою землею, замѣняя Славянскій языкъ Нѣмецкимъ не только въ общественномъ дѣлопроизводствѣ, но и въ частной жизни и литературѣ. При такомъ положеніи, утрата государственной независимости, какъ естественное послѣдствіе утраты самостоятельности общественной и бытовой, предстояла Чехіи неминуемо. Это было такъ очевидно, что даже самъ государь Чешскій, Карлъ IV, хотя Нѣмецъ родомъ, а воспитаніемъ Французъ, испугался быстрого исчезанія всего того, что обуславливало по-

(*) Пражскій университетъ, основанный въ 1348 г.,— первый въ „Германіи.“

литическую самобытность Чешской земли, и сталъ противодѣйствовать ея «обезьязыченію» (если можно употребить въ прозѣ слово нашего поэта). Онъ рѣшился возстановить въ Прагѣ изгнанное изъ Чешской земли давнымъ-давно, послѣ долгихъ преслѣдованій, Славянское богослуженіе. Это былъ первый признакъ наступающей реакціи. Но могла ли эта реакція перейти въ народъ, вызвать на-ружу, еще быть можетъ не совсѣмъ угасшія въ его нѣдрахъ, Славянскія начала, внести ихъ въ жизнь общественную и возродить ими Чешскую землю? Въ народѣ Чешскомъ дѣйствительно были сѣмена, изъ которыхъ могла возникнуть такая реакція.—Надобно прежде всего замѣтить, что Славяне не были исконными жителями Чешской земли (Боиогема); они ея овладѣли, какъ вооруженные переселенцы, овладѣли ею въ эпоху историческую; а переселенецъ, занявшій чужую землю, естественно стоитъ на сторожѣ, менѣе безпеченъ и податливъ, тщательнѣе бережетъ свое добро и дорожитъ имъ, чѣмъ исконный житель края, чловѣкъ, которому и въ голову не приходитъ мысль о необходимости отстаивать свое наследственное достояніе.

„Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду.

У васъ правда по закону святу,

Ю-же принесеху отци наши

Въ се-же жирне власти презъ три рѣкы“ (*)

(*) „Не похвально намъ искать правды въ Нѣмечія; у васъ правда по святому закону, правда, которую принесли отцы наши въ эти плодородныя страны — черезъ три рѣкы.“

Эти замѣчательныя слова донеслись къ намъ изъ глубочайшей древности, изъ Чехіи еще дохристіанской: а могъ ли бы въ ту младенческую эпоху, у какого-бы то ни было народа, а тѣмъ болѣе у воспріимчиваго народа Славянскаго, родиться такой ясный, сознательный взглядъ на различіе между своимъ закономъ и чужимъ, на необходимость держаться своей правды и не принимать чужой, если бы *своя правда, свой законъ* не были именно *принесены* предками, которымъ не даромъ достался благодатный край Чешскій, если бы отцы и дѣды владѣли имъ испоконъ вѣка? Эта любовь къ *своему* поддерживалась потомъ недружелюбнымъ соприкосновеніемъ съ Нѣмецкою стихіею, которая, съ тѣхъ поръ какъ водворилась окончательно въ Австрію (между IX и XI вѣками), а съ другой стороны овладѣла землею Полабскихъ Сербовъ (нынѣшнюю Саксонію, въ X и XI в.) и Силезію (въ XII и XIII в.),—охватила Чехію съ Сѣвера, Юга и Запада и постоянно грозила поглотить своими растущими волнами Славянскую землю, врѣзывавшуюся полуостровомъ въ глубь Германскихъ странъ. Тяжелое матеріальное давленіе иноземной стихіи ощущалось народомъ Чешскимъ ежечасно въ продолженіе всего историческаго его развитія, и понятно, что оно питало въ немъ ту чуткость къ опасности отъ враждебныхъ Славянству началъ, какая высказалась уже на порогѣ исторіи Чешской, въ словахъ, которыя народная пѣснь вложила въ уста вѣщей Любуши. Въ

средне-вѣковой Европѣ (такъ гласить мнѣніе, сдѣлавшееся почти общимъ мѣстомъ), чувства народности не было, народность не сознавалась и принципъ ея не имѣлъ вліянія на историческія событія. Но если мнѣніе это не приложимо нигдѣ безъ ограниченій, то въ отношеніи къ Чехіи оно оказывается совершенно ложнымъ. О Чехахъ въ средніе вѣка можно сказать, что идея народности была въ нихъ такъ жива, сознание ея такъ развито, какъ въ наше время еще не у многихъ племенъ. По мѣрѣ того, какъ правители Чехіи впутывались въ дѣла Германіи, какъ они и большая часть знати и горожанъ подчинялись господству Нѣмецкаго духа, быта и языка, идея народности росла и крѣпла въ людяхъ, предвидѣвшихъ въ отступленіи отъ Славянскихъ началъ гибель своей родины, и находила себѣ горячихъ, — мало этого выраженія, — ярыхъ представителей, въ родѣ автора стихотворной хроники, извѣстной подъ именемъ Далимиловой. Писанная въ началѣ XIV вѣка, она дышетъ такимъ Славянскимъ патриотизмомъ, такою ненавистью къ овладѣвавшему Чехією германизму, что многія страницы ея кажутся журнальною полемикою нынѣшняго Дня, и еще недавно издать ее въ Прагѣ можно было лишь съ пропусками. Одно уже произведеніе это является важнымъ симптомомъ въ такую эпоху, когда Чехія, судя по ходу ея политической и общественной жизни, готова была (подобно княжествамъ Силезскимъ и Померанскому

около того же времени) изъ самобытнаго Славянскаго государства сдѣлаться чисто Нѣмецкимъ членомъ Германской федераціи, называвшейся священной имперіею. А хроника Далимилова не составляетъ исключенія въ средневѣковой литературѣ Чешской. Подобныя выраженія чувствъ Славянскаго народнаго патріотизма встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ, напр. даже въ сочиненіяхъ благодушнаго Оомы Щитнаго, лучшаго писателя до-Гуситской Чехіи, замѣчательнаго философа своего времени (жилъ во второй половинѣ XIV вѣка). Явно, что въ тогдашней Чехіи Славянскій духъ еще не умеръ, что онъ, напротивъ, находилъ себѣ сознательное выраженіе въ оппозиціи противъ торжествующаго вліянія иноземныхъ началъ. Уже по одному тому, что участь Чеха простолюдина, и особенно земледѣльца, страшно ухудшилась подѣ дѣйствіемъ общественнаго устройства, принятаго отъ Германіи,—слѣдуетъ предполагать, что оппозиція эта пользовалась сочувствіемъ народной массы. Мы должны сказать болѣе: она была голосомъ Чешскаго простонародія, представительницею его мысли: это яснѣе всего доказываютъ дальнѣйшія событія.

Но преданность своему, потому только, что оно свое, отвращеніе къ чужому, потому только, что оно чужое, ничего не производуть. И народная оппозиція въ средневѣковой Чехіи, конечно, ничего бы не произвела, если бы подобно тому, какъ было между Славянами на Балтійскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ, оппозиція эта оста-

валась при одной ненависти къ чужому, при одномъ сопротивленіи Нѣмецкому оружію и Нѣмецкой гражданственности,—если бы въ Чехіи народное начало не воплотилось въ положительной идеѣ, сдѣлавшейся его знаменемъ, предметомъ его вѣрованій и стремленій. Ибо народъ, когда онъ погибаетъ, можетъ быть вызванъ къ жизни только силою вѣры въ идею, которая дастъ ему историческое дѣло, которая, показавъ ему цѣль, одушевитъ его на подвигъ. И нужно еще, чтобы эта идея не была сама по себѣ устранена, обречена на гибель развитіемъ человѣчества. Въ исторіи Славянской сравните съ Чехами племя Силезское и Поморянъ: не оружіе Германія, а ея духъ, ея общественныя начала овладѣли ими въ XII и XIV вѣкѣ, точно также какъ Чехію; но какую идею, какое знамя они ей противопоставляли? Никакого, развѣ только то, что они были Славяне, а не Нѣмцы; и племена эти (числомъ едва ли уступавшіе Чехамъ, а по своему положенію находившіеся въ гораздо меньшей опасности) вымерли, ничѣмъ не ознаменовавъ себя въ исторіи. Сравните съ Чехами Славянскія племена, занимавшія все пространство между Эльбой и Одрой и которыя Германія истребила до послѣднихъ слѣдовъ. Матеріально, они составляли массу, не въ примѣръ сильнѣйшую, чѣмъ Чехи. Боролись они съ невѣроятнымъ мужествомъ четыреста лѣтъ; но боролись за отжившее язычество противъ христіан-

ской земли, за устраненную уже во всей тогдашней Европѣ старую племенную свободу противъ страны, сознавшей свое народное и государственное единство.

II.

Идею, воскресившую Чешскій народъ въ началѣ XV вѣка, дала религія. Идея эта не была плодомъ личнаго умозрѣнія, а жила въ Чешскомъ народѣ какъ преданіе, болѣе, или менѣе затемнявшееся, но никогда не угасавшее: это было преданіе о христіанствѣ *вселенскомъ*, свободномъ отъ тѣхъ стихій, которыя сдѣлали изъ Западной церкви въ средніе вѣка еократическую монархію, исключительно принадлежавшую семьѣ народовъ Романскихъ и Германскихъ. Въ сознаніи этой монархіи Славяне не участвовали, и принимались въ нее не какъ братья и граждане, а какъ варвары и подданные, въ Римскомъ смыслѣ этихъ словъ: *barbarae, subjectae nationes*. Присоединяясь къ Латинской церкви, Славянинъ тѣмъ самымъ поступалъ подъ власть не только духовнаго главы союза Западныхъ народовъ, но и его свѣтскаго главы, Римско-Германскаго императора. Такъ было съ Чехіею, и этого ига ей не удавалось свергнуть; она даже сроднилась съ нимъ до такой степени,

что вассальная зависимость отъ Германской имперіи сдѣлалась для Чешской земли однимъ изъ коренныхъ основаній ея государственнаго права и политическихъ отношеній. Такъ было съ княжествами Поморскими, съ землею Лужицкою, съ Каринтіей и др., гдѣ католицизмъ повлекъ за собою не только политическое, но и полное общественное господство Нѣмецкой стихіи. Такъ было даже съ отдаленной Польшей, которой не мало труда стоило избавиться отъ вассальныхъ отношеній къ Нѣмецкому государству, создавшихся въ силу самаго обращенія ея въ католицизмъ (*). Вотъ внѣшняя причина, почему Римская церковь Славянъ отъ себя отгалкивала; а внѣшнему характеру ея соотвѣтствовали и внутреннія свойства, — аристократическій духъ устройства церковнаго, исключеніе народа изъ церковной жизни самымъ богослужебнымъ языкомъ, преобладаніе иноземнаго, Римско-Нѣмецкаго права и быта, которое сопровождало католицизмъ во всѣ Славянскія земли, куда онъ только проникалъ. Иныя племена Славянскія, которыя, прямо изъ языче-

(*) Германія простирала свои притязанія и на прозія земли Славянъ католиковъ, на королевство Хорватское и на Далмацію; но эти земли вскорѣ попали подъ непосредственную зависимость отъ другихъ, католическихъ же державъ, Венгріи и Венеціи. Отъ первой какъ извѣстно, въ слѣдствіе принятія ею католицизма, Римско Нѣмецкіе императоры вначалѣ требовали признанія ихъ верховныхъ правъ, а Венеція входила, хотя не непосредственно, въ составъ той священной монархіи, главами которой были императоръ и папа.

ства вступивъ въ Западную церковь, не знали христіанства въ другой формѣ, могли съ этой церковью свыкнуться: христіанская основа религіи удовлетворяла ихъ чувству,—и чуждыя, Римско-Нѣмецкія, стихіи, привитыя къ этой основѣ, вмѣстѣ съ нею вѣдрялись въ ихъ жизнь и духъ: самый разительный примѣръ представляетъ Польша. Но не то было у Чеховъ. Они знали про другое христіанство, нежели какое господствовало въ ихъ землѣ и главами котораго были Римскій папа и Нѣмецкій цесарь. Они знали про первобытную вселенскую церковь, и знали, что современный католицизмъ не есть эта церковь. Обратили ихъ въ христіанство люди, пришедшіе съ Востока, принесшіе съ собою священныя книги на языкѣ Славянскомъ, на немъ совершавшіе богослуженіе, учившіе христіанской вѣрѣ не такъ, какъ учили проповѣдники изъ Германіи и Италіи; даже внѣшніе обряды религіозные были у нихъ не тѣ, и обряды служенія первыхъ вѣроучителей, сопровождаемые священными словами, народу понятными не легко уже могли изгладиться изъ его памяти (*). Въ концѣ IX вѣка Чехи приняли христіанство, какъ принесли его изъ Греціи и Болгаріи Кириллъ

(*) Такъ Чехи никакъ не могли привыкнуть къ принятому причастію подъ однимъ видомъ хлѣба, и еще въ XIV в., т. е. до явленія Гуса, стремились возстановить „чашу“ въ причастіи. Въ XIV же вѣкѣ, одинъ изъ знаменатѣйшихъ проповѣдниковъ Чешскихъ, Матвій изъ Янова, по словамъ древняго сказанія, совершалъ богослуженіе по Греческому обряду.

и Меѳодій,—и только чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, католицизмъ, подчиняя себѣ Чехію по мѣрѣ того, какъ она подчинялась Германіи, утвердился въ ней окончательно: только черезъ двѣсти лѣтъ, въ 1096 году, изъ нея вытѣснено было богослуженіе по древнимъ православнымъ книгамъ Славянскимъ. Вотъ изъ какого источника шло въ Чешскомъ народѣ преданіе о какой-то лучшей, ближайшей къ христіанской истинѣ церкви, нежели та, которая у него господствовала и которую положила на него Германія вмѣстѣ съ своею верховною властію, своимъ бытомъ, своими ненавистными для Славянскаго племени учрежденіями. Прошедшее завѣщало Чешскому народу въ области религіозной—идеаль, и этотъ идеаль долженъ былъ храниться тѣмъ крѣпче и живѣе, что онъ, вслѣдствіе всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, находился въ неразрывной связи съ подавленными въ Чешскомъ государствѣ стихіями Славянскаго народности, подобно тому, какъ католицизмъ, съ другой стороны, воплощалъ въ себѣ начала Западнаго міра, грозившія ей окончательнымъ истребленіемъ.

Вліяніемъ древняго религіознаго преданія, жившаго въ народѣ Чешскомъ, объясняется между прочимъ и то, что императоръ Карлъ IV, въ видахъ уступки національному чувству своихъ подданныхъ, прибѣгнулъ именно къ восстановленію въ Прагѣ Славянскаго богослуженія,—хотя онъ, ревностный католикъ, сдѣлалъ это не иначе, какъ съ

ограниченіями, предписанными папою, и съ сохраненіемъ Римскихъ догматовъ. Но эта внѣшняя уступка, разумѣется, не могла удовлетворить стремленіямъ Чешской народности, которая, съ быстрымъ въ то время развитіемъ образованности въ краѣ, укрѣплялась все болѣе и болѣе силою самосознанія. Ибо образованность губить только тѣ народности, которыя не имѣютъ внутренней жизни, не сознаютъ въ себѣ идеальной задачи: только эти народности охраняются невѣжествомъ и исчезаютъ при соприкосновеніи съ просвѣщеніемъ. Но та народность, которая одушевлена идеею и ощущаетъ въ себѣ силу для ея осуществленія, вызывается просвѣщеніемъ къ сознанію своей задачи и къ дѣятельности, неизменному слѣдствію такого сознанія. Такъ и народность Чешская, хранившая безсознательно идею, данную ей предшествующими вѣками, только тогда ее поняла и устремилась за нею, когда въ странѣ разлилось образованіе, благодаря въ особенности основанному Карломъ IV университету, который сдѣлался тотчасъ уместнымъ средоточіемъ не только самой Чехіи, но и сосѣднихъ странъ, Германіи, Польши, Венгріи. Въ XIV вѣкѣ уже зашевелились на Западѣ вопросы объ исправленіи церкви. Мысли Запада становились достояніемъ образованныхъ Чеховъ; но тамъ, на Западѣ, идеи реформаторовъ оставались, пока, неизримою мечтою; въ Чехіи слова Англичанина Виллема, которыя въ самой Англій замедли безъ отголоска, — въ Чехіи слова этого ученаго, отвергавшаго авто-

ритетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства, сдѣлались голосомъ народнымъ: ибо въ Чехіи почва была готова, живое преданіе хранило образъ исконной церкви и ожидало сознательнаго выраженія. Уже до появленія сочиненій Виклефа, проповѣдники Чешскіе (*), увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма. Наконецъ явился Ивавъ Гусъ, вышедшій изъ среды простаго народа (сынъ земледѣльца) и при этомъ достигшій въ Пражскомъ университетѣ высшихъ ученыхъ степеней. Онъ провозгласилъ опредѣленно и безусловно идею возстановленія вселенской апостольской церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ Славянской народности въ Чехіи (**). Огромный переворотъ наступилъ въ жизни Чешскаго народа.

(*) Какъ то: Миличъ изъ Кромѣрижа (умеръ 1374) и его ученикъ Матвей изъ Янова, о которомъ мы уже упомянули. Миличъ изъ Кромѣрижа замѣчательнъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ сталъ проповѣдывать по-Чешски, тогда какъ прежде проповѣдники, рассчитывавшіе въ Чехіи на успѣхъ, говорили свои слова по-Нѣмецки.

(**) Что дѣятельность Гуса не была исключительно сосредоточена на вопросахъ религіозныхъ, и что онъ имѣлъ въ виду непосредственно и Славянскую народность въ своемъ отечествѣ, явствуетъ изъ всей его жизни и сочиненій.

III.

ЧЕХІЯ.

Мы объяснили себѣ происхожденіе Гуситства двумя стихіями. Съ одной стороны, стихія, такъ сказать, внѣшняя и личная: это развитіе въ странѣ образованія, выставлявшее ощутительнѣе злоупотребленія современной латинской церкви и потребность ея исправленія, вліяніе Западныхъ идей, между прочимъ, сочиненій Виклефа и т. п. Съ этой стороны, Гусъ, равно какъ его предшественники и послѣдователи, являются какъ бы протестантами, личными нововводителями въ церкви, — и съ этой исключительно точки зрѣнія смотрять на нихъ нынѣшніе Чехи и всѣ Западные писатели. Но безконечно важнѣе внутренняя, народная стихія, источникъ жизни и силъ: личныхъ представителей народной идеи Чешской, основа и идеальная цѣль всего движенія, обозначаемаго въ исторіи именемъ Гуса. Эта стихія намъ уже извѣстна, — мы видѣли, откуда она взяла свое начало. Ея присутствіе даетъ Гуситству характеръ совершенно своеобразный, существенно отличный отъ позднѣйшаго За-

паднаго протестантизма. Посудимъ объ одномъ: Западный протестантизмъ, созданный Лютеромъ и Кальвиномъ, не ограничился однимъ народомъ, а водворился во многихъ странахъ, столь различныхъ между собою, какъ Англія и Венгрія, Франція, Германія и Польша; но нигдѣ, непосредственно, не совершалъ внутренняго общественнаго переворота, не потрясалъ существующаго государственнаго порядка и оставался, вначалѣ, въ области исключительно религіозной. Гуситство, напротивъ того, не распространилось за предѣлы земли Чешской (*) и даже тамъ принято было единственно природными Чехами. Хотя, по видимому, потребность религіозной реформы могла быть одинаково ощутительна всѣмъ жителямъ края, и Нѣмцы, обитавшіе десятками тысячъ въ Чехію, составляли въ ней элементъ, относительно болѣе развитой, чѣмъ туземцы-Славяне (**), однако же ни одинъ Нѣмецъ не сдѣлался послѣдователемъ Гуса. А съ другой стороны, проповѣдь Чешскаго реформатора, при такъ тѣсныхъ предѣлахъ вліянія, захватывала жизнь несравненно глубже, чѣмъ Нѣмецкій протестантизмъ: она произвела въ Чехіи немедленно полный

(*) Разумѣемъ подъ этимъ именемъ и нераздѣльно связанную съ Чехією Моравію; отчасти Гуситство перешло и къ Словакамъ, народность которыхъ почти тождественна съ Чешско-Моравскою.

(**) Нѣмцы составляли по преимуществу городское, промышленное населеніе, Славяне — сельское, земледѣльческое.

переворотъ, не только религіозный, но также и политическій и общественный, она какъ бы переродила въ одно мгновеніе весь народъ Чешскій. Отчего же такое существенное различіе въ дѣйствіи той и другой церковной реформы? Западнѣй протестантизмъ былъ, какъ намъ кажется, реакціей личной религіозной мысли передовыхъ людей своего времени противъ церковнаго авторитета Рима: такимъ образомъ, онъ не затрогивалъ непосредственно ничего, кромѣ церкви, но и распространился за то вездѣ, гдѣ мысль его творцовъ, по религіозному состоянію и степени образованности страны, могла найти себѣ отголосокъ; распространился притомъ всегда сверху внизъ, отъ аристократіи и горожанъ переходя (а часто и не въ силахъ будучи перейти) въ народъ. Гуситство, съ другой стороны, было реакціей подавленной народности, нашедшей себѣ проявленіе въ мысли религіозной; и такова причина, почему дѣло Гуса охватило все, что было въ землѣ Чешской, и религію, и правительство, и общество, однимъ словомъ, весь существующій порядокъ вещей. Но по тому же самому, вѣдь предѣловъ народности, которой оно было выраженіемъ, и въ людяхъ, не принадлежавшихъ къ этой народности, хотя жившихъ въ той же землѣ, Гуситство не могло имѣть послѣдователей; и Германія, которая такъ скоро потомъ сдѣлалась главною представительницею протестантизма, не только не привѣтствовала съ сочувствіемъ освобожденія религіозной мысли въ Че-

хи, но, напротивъ того, встрѣтила Гуситское движеніе съ самою яростною враждою, съ враждою, въ полномъ смыслѣ народною (*): ибо именно Германія наложила на Чешскій народъ тѣ стихіи, противъ которыхъ Гуситство было реакціей. Наконецъ, еще замѣчательная черта различія: Западный протестантизмъ, какъ мы сказали, становился сперва достояніемъ высшихъ классовъ, и иногда оставался при нихъ и не проникалъ въ простой народъ; а Чешская религіозная реформа, обозначенная именемъ Гуса, сдѣлалась тотчасъ всеобщимъ престолюдиновъ, — въ аристократіи же нашла не много приверженцевъ. Это вполне соответствуетъ нашему опредѣленію характера обоихъ религіозныхъ движеній, Чешскаго и Западно-Европейскаго; и можно ли, при всемъ этомъ, не признать ихъ явленіями, существенно различными? Можно ли, какъ привыкли говорить Западные писатели, считать Гуситство какимъ-то недодѣланнымъ предшественникомъ Нѣмецкаго протестантизма?

Какъ Гуситство было проявленіемъ одной народности, такъ и самая религіозная идея, въ немъ заключавшаяся, принадлежала исключительно этой народности и отличалась отъ религіозной идеи позднѣйшаго Нѣмецкаго протестантизма. Протестантизмъ былъ рационалистическимъ преобразованіемъ

(*) Любопытно въ этомъ отношеніи прочесть отзывы о Гуситахъ современныхъ Нѣмецкихъ писателей, напримѣръ Эшендѣра.

церкви. Гуситство — стремленіемъ возсоздать въ ней то, что существовало въ народѣ, какъ дѣйствительное преданіе минувшаго. Все предыдущее развитіе Чешской исторіи, нами изложенное въ главнѣйшихъ чертахъ, указываетъ на этотъ источникъ Гуситскаго движенія, и всякое сомнѣніе, собственно съ богословской точки зрѣнія, которой мы не касались, устраниено учеными изслѣдованіями одного нашего соотечественника (*). Ссылаясь на него, мы здѣсь не станемъ вдаваться въ разборъ догматическихъ мнѣній Гуса, и укажемъ только на одинъ фактъ, мелкій, но который тѣмъ разительнѣе указываетъ на основу преданія въ Гуситствѣ. Между прочими упреками церкви латинской, Гуситы всегда выставляли то, что она не допускаетъ причащенія младенцевъ; какъ скоро Чехи свергали съ себя власть Рима, они тотчасъ приносили младенцевъ къ причащенію, и когда, впоследствии, начались переговоры о примиреніи Гуситскаго неповѣданья съ католицизмомъ, то они постоянно требовали, чтобы за ихъ церковью признано было право причащенія младенцевъ. И съ такою настойчивостью повторяли Чехи это требованіе, что, очевидно, причащеніе младенцевъ было у нихъ обычаемъ дорогимъ народу и съ которымъ онъ уже не хотѣлъ разстаться. Представимъ себѣ: мыслямо ли это въ средѣ ищущей рационалистической реформы въ церкви? Ясно, что причащеніе младенцевъ предполагаетъ безусловную, непосредственную вѣру въ

(*) Г. Новикова, „Гусъ и Лютеръ“.

таинство, въ его дѣйствіе на человѣка, если только онъ самъ не отвергаетъ его актомъ сознанія (мыслию или дѣломъ). Рационализмъ, напротивъ, прикоснувшись къ ученію о таинствѣ, непремѣнно захочетъ — не распространить его, какъ дѣлали Чехи, а ограничить, поставить въ зависимость отъ сознанія человѣка. Такъ Римская церковь, вѣрная юридическому рационализму древняго Рима, весьма естественно отвергла причащеніе въ возрастѣ безсознательномъ; а протестантскія секты, чтобы быть вполне послѣдовательными, еще болѣе ограничили доступъ къ евхаристіи, требуя для него не только возраста способнаго къ сознанію, какъ Римъ, но дѣйствительнаго сознанія, доказаннаго испытаніемъ, которое составляетъ сущность конфирмаціи. Одна только церковь Восточная сохранила обычай первобытнаго христіанства, которое, съ своею непосредственною вѣрою въ завѣщанное Христомъ таинство, допускало къ нему и младенцевъ. И когда мы знаемъ, что Чехи-Гуситы XV столѣтія стояли грудью за этотъ обычай, что причащеніе младенцевъ было однимъ изъ тѣхъ предметовъ вѣры, за которые цѣлый народъ проливалъ потоками кровь свою, то можно ли не признавать древняго, пришедшаго съ Востока, религіознаго преданія, ожившаго въ Гуситствѣ, и позволительно ли толковать о немъ, какъ о проявленіи личнаго рационализма и нововодительства въ церкви (*)?

(*) Чешскіе историки, писавшіе о Гуситствѣ, слишкомъ мало обращали вниманіе и на слѣдующій, весьма

Конечно, личный рационализм все болѣе и болѣе прививался къ Гуситству, по мѣрѣ того, какъ

знаменательный фактъ. Вѣрнѣйшій другъ и ученикъ Гуса, его товарищъ въ жизни и на мученическомъ кострѣ, Іеронимъ Пражскій, не задолго до своей смерти, совершилъ путешествіе въ Литву и Русь. Положимъ, что его влекло на Востокъ не преданіе народное, а личное желаніе познакомиться съ тамошнимъ христіанствомъ (чего, надобно замѣтить, мы не замѣчаемъ ни въ концѣ изъ основателей собственно протестантскихъ сектъ). Однако путешествіе Іеронима не ограничилось наблюденьями иновѣца надъ Восточною церковью: въ Витебскѣ и Псковѣ онъ открыто сталъ въ общину православныхъ, вмѣстѣ съ ними принималъ причастіе, въ спорахъ съ католиками защищалъ Восточную церковь, какъ истинную, — чѣмъ и причинилъ такой соблазнъ въ Литвѣ, что эти поступки были поставлены Констандскимъ соборомъ въ число важнѣйшихъ обвиненій, на основаніи которыхъ соборъ приговорилъ его къ смертной казни. Спрашивается: могъ ли протестантъ-нововводитель въ Римской церкви, человекъ, отвошившійся къ ней единственно съ точки зрѣнія личнаго рационализма, до такой степени *забыться*, отречься отъ своего характера, чтобы прямо вступить въ другую историческую церковь, еще болѣе дорожившую преданіемъ, еще менѣе податливую на личное нововводительство, чѣмъ Римская церковь? Нѣтъ сомнѣній: Іеронимъ, также мало, какъ его учитель Гусъ, былъ протестантъ-нововводитель. Преданіе указывало ему на Востокъ, какъ на источникъ древней народной вѣры Чеховъ; пріѣхавъ въ среду православныхъ, онъ ощутилъ себя въ родной семьѣ церковной; ему даже не нужно было особеннаго акта обращенія (иначе переходъ въ православіе столь знаменитаго въ свое время богослова былъ бы, безъ сомнѣнія, торжественно заявленъ); онъ просто пріобщился къ исповѣданью, котораго и прежде не считалъ себя чуждымъ. Если же путешествіе Іеронима на Востокъ не принесло особенныхъ плодовъ, то причина въ томъ, что онъ по возвращеніи попалъ тотчасъ въ Констандскую тюрьму, а оттуда на костеръ.

оно было призвано къ практическому осуществленію своихъ идей, и съ теченіемъ времени овладѣлъ имъ совершенно, — мы сейчасъ увидимъ, по какимъ причинамъ. Но не въ немъ, повторимъ, былъ источникъ религіознаго и политическаго переворота, потрясшаго Чехію въ началѣ XV вѣка, а въ народѣ, и въ тѣхъ стихіяхъ, которыя онъ хранилъ по преданію, въ стихіи первобытнаго христіанства, предшествовавшаго въ Чехіи водворенію католицизма и имъ подавленнаго, и въ стихіи Славянской народности, забитой вліяніемъ Германіи. И эти-то двѣ стихіи, уже прежде не разъ напоминавшія о своемъ существованіи, вырвались на поприще исторіи въ краснорѣчивомъ словѣ и въ еще болѣе краснорѣчивой жизни и смерти Гуса: то, что тайлось въ безмолвіи Чешскихъ деревень, какъ преданіе, или высказывалось какъ требованіе въ томъ или другомъ частномъ вопросѣ, нашло въ немъ сознательное и полное выраженіе. Гусомъ поднято было знамя, вокругъ котораго народъ Чешскій могъ собраться для дѣйствія.

IV.

Но Чешскій народъ, по своей малочисленности, при вещественномъ перемѣсѣ и нравственномъ господствѣ приковавшей его къ себѣ Западной Европы, не былъ въ состояніи переработать чужое, его тѣснившее, мирнымъ правильнымъ развитіемъ своихъ Славянскихъ началъ: вмѣсто того, чтобы преодолѣть, поглотить, уничтожить ей несвойственныя начала, Славянская стихія въ Чехіи, напротивъ, подавлялась все болѣе и болѣе въ то самое время, когда государство Чешское стояло на высотѣ политическаго могущества. Что же могла сдѣлать Славянская стихія въ Чехіи? Ей оставался тотъ отчаянный исходъ, къ которому бросаются народы, когда тяготящее надъ ними зло таково, что мирнымъ и правильнымъ развитіемъ оно ослаблено и уничтожено быть не можетъ; Чешскому народу оставались средства насильственныя, революціонныя. Когда Гусъ, поднявшій голосъ за восстановление вселенскаго преданія въ церкви и за права Чешской народности передъ иноземными сти-

хіями, былъ сожженъ въ Германіи соборомъ Западной Европы, Чехи возстали и бросилсь истреблять насильственно то, что въ теченіе столѣтій накопилось въ ихъ землѣ Римско-католическаго и Нѣмецкаго. Время, наступившее послѣ смерти Гуса, имѣетъ вполне значеніе революціи и по своему характеру совершенно сходствуетъ съ тѣми революціями, какія всыхнули потомъ на Западѣ, въ Англіи въ XVII вѣкѣ, во Франціи въ XVIII-мъ. Это была первая въ новомъ Европейскомъ мѣрѣ и надобно замѣтить единственная въ мѣрѣ Славянскомъ революція въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. насильственное и внезапное ниспроверженіе самимъ народомъ существовавшаго въ странѣ общественнаго порядка (*). Согласно общему духу того времени и особеннымъ условіямъ исторической жизни Чешскаго народа, революція эта имѣла, мы знаемъ, главнымъ предметомъ и главною цѣлію вѣру; но она далеко не ограничилась областью церковною. Время Гуситскихъ войнъ ознаменовалось и изгнаніемъ законнаго государя, и ниспроверженіемъ всего прежняго общественнаго порядка, и поголовнымъ истребленіемъ или изгнаніемъ Нѣмецкаго населенія, водворившагося въ Чехію, и попыткамъ уничтожить неравенство сословій, и по-

(*) Мы разумѣемъ здѣсь революцію именно въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ возстанія противъ иноземнаго владычества, — что въ наше время такъ часто и такъ несправедливо называютъ или клеймятъ именемъ революціи.

ползновениями къ комунизму. Подъ самосозданнымъ правленіемъ Жпжжи и Прокопа отброшены были все условія средневѣковой общественной жизни, и простолюдинъ становился рядомъ съ рыцаремъ — и въ военномъ строю и въ общественномъ сходѣ. А что борьба велась не только за вѣру, но и за народность Чешскую и вообще Славянскую, и что сами бойцы того времени это сознавали, — о томъ свидѣлствуютъ ихъ собственныя выраженія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ. — Тогдашняя Чехія, какъ и другія земли въ эпохи революціи, наводитъ на умъ черезъ чуръ избитое, но вѣрное сравненіе съ вулканическимъ взрывомъ: наибольшая сила огня пожирается внутреннимъ кипѣньемъ, подъемомъ скалъ, бореньемъ стихій; но ничто не можетъ противостать тѣмъ раскаленнымъ потокамъ, которые огнедышащая гора извергаетъ во все стороны. Вспомнимъ внутренніе ужасы революціонной Франціи конца XVIII вѣка и тѣ четырнадцать армій, которыя она, во время самаго страшнаго разгара междоусобій и казней, во время полного банкротства и анархіи, посылала побѣждать все сосѣднія державы. Такою же точно представляется и революціонная Чехія начала XV вѣка: внутри раздоръ, кровопролитіе, жестокости и казни безъ счету, поддѣлка денегъ (*), всеобщее разо-

(*) Совершенно то же, что въ наше время называется государственнымъ банкротствомъ. Революціонное правительство Чешское чеканило деньги изъ олова или желѣза и выпускало ихъ по обязательной цѣнѣ серебряныхъ денегъ.

реніе, — и въ то же время дивное одушевленіе противъ враговъ, побѣды неимовѣрныя! По свидѣтельству современника, Чешская земля въ эту пору потеряла треть своего населенія; но весь Западный міръ не могъ одолѣть одного небольшого народа! Со всѣхъ своихъ концовъ скликала католическая Европа крестовыхъ воиновъ противъ «заклятыхъ враговъ церкви и языка Нѣмецкаго»; года проходили въ непрестанномъ бою; стотысячныя арміи —лучшія силы всей Германіи и Венгріи съ союзниками, приходившими на помощь даже изъ отдаленнѣйшихъ государствъ католическихъ, — гибли подъ кованными желѣзомъ цѣнами, которые гениальный полководецъ далъ въ руки Чешскимъ простолюдинамъ, или разбѣгались передъ ихъ крѣпкимъ строемъ: католическія націи высылали новыя арміи, и эти арміи въ свою очередь гибли. Чехи наконецъ перенесли войну въ сосѣднія Нѣмецкія земли, и принудили соборъ Западной Европы искать перемирія и соглашенія съ «бунтовщиками», отвергнувшими все то, что было основаніемъ вѣры и общественнаго порядка для тогдашняго Западнаго человѣчества.

Таковы были эти Гуситскія войны, величайшій (въ соразмѣрности съ силами) подвигъ мужества, когда-либо совершенный Славянскимъ народомъ. Характеръ ихъ, повторяемъ, въ полномъ смыслѣ революціонный: это былъ полнѣйшій переворотъ въ судьбѣ Чешской земли; это былъ внезапной взрывъ задавленной тамъ Славянской стихіи, которую воздвигла,

какъ общее знамя, идея первобытной христіанской церкви, развѣившѣе изъ преданія, оставленнаго въ народѣ проповѣдью древнихъ Восточныхъ учителей; это былъ отчаянный порывъ — низвергнуть то, что наложено было на Чешскую землю вѣковымъ господствомъ Западной религіи и Западныхъ общественныхъ началъ, и возстановить первоначальную вѣру и Славянскую народность. Этотъ характеръ Гуситскихъ войнъ слишкомъ мало сознается теперь Чехами, стоящими на церковной почвѣ исключительно Римско - католической и Нѣмецко - протестантской. Оттого они, и даже великій ихъ историкъ Палацкій, не дозольно ясно, какъ намъ кажется, видятъ историческую необходимость Гуситской революціи въ жизни Чешскаго народа, и представляютъ себѣ этотъ громадный переворотъ чѣмъ-то случайнымъ, навѣяннымъ внѣшними вліяніями (такимъ является онъ и у Палацкаго); иные же оплакиваютъ это событіе, даже не съ строго-католической точки зрѣнія, а въ смыслѣ патріотическомъ, полагая, что Чешскій народъ развился бы могущественнѣе и правльнѣе, если бы не своротилъ съ пути, по которому шелъ до Карла IV. Внѣшній блескъ Чешскаго государства при Карлѣ IV заставляетъ ихъ забывать, что въ это самое время народъ Чешскій находился, такъ сказать, въ виду смерти, что онъ готовъ былъ угаснуть мирнымъ перерожденіемъ въ Нѣмецкую народность, какъ случилось въ ту же эпоху съ Славянами въ

Силезіи и Помераніи (которые, также какъ Чехи, не были завоеваны Германіей, а подчинились ея общественнымъ и нравственнымъ стихіямъ, и находилась притомъ подъ властію своихъ природныхъ, Славянскихъ по происхожденію, династій). Плодомъ Гуситской революціи было не только то, что Чешскій народъ, свергнувъ съ себя господство чужеземныхъ началъ, завоевалъ себѣ на два вѣка общественную самостоятельность; революціа эта не только стяжала ему славу великаго нравственнаго подвига (освобожденія отъ ига средневѣковой жизни), который не пропалъ даромъ для всего человѣчества; нѣтъ: если народность Чешская, засыпавшая уже предсмертнымъ летаргическимъ сномъ въ XIV вѣкѣ, уцѣлѣла и сохраняетъ еще свою жизненность въ XIX-мъ, не смотря на всѣ бывшія гоненія и бѣдствія, то, — надобно сказать рѣшительно, — Чехи этимъ обязаны Гуситской революціи, которая въ нихъ, племени одинокомъ и слабомъ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ чужими стихіями, подавленномъ въ своей собственной землѣ Нѣмецкою культурою и массою Нѣмецкихъ жителей, оставила на всѣ вѣка зародышъ недовѣрія и оппозиціи къ Западнымъ элементамъ и стремленія къ нравственной самостоятельности. Результатъ Гуситской революціи былъ несомнѣненъ и великъ для Чеховъ въ отношеніи къ ихъ народности и къ ея духу. Но могла ли она достигнуть тѣхъ цѣлей, религиозныхъ и политическихъ, къ которымъ стре-

милась непосредственно? Задача была не по силамъ такому маленькому народу и при такомъ непоимѣрномъ перевѣсѣ враждебныхъ началъ. Взглянемъ на обѣ стороны этой задачи, религіозную и политическую.

V.

Была ли возможность Чехамъ осуществить мысль Гуса и, какъ мечталъ великій учитель, воздвигши свой народъ къ новой жизни, возсоздать первобытную церковь вселенскую? Гдѣ могли они найти необходимую для этого историческую точку опоры, то живое преданіе, безъ котораго всякій строилъ бы зданіе церковное по своему усмотрѣнію и, если бы удалось достигнуть какого нибудь единства, то лишь сдѣлкою или условнымъ признаніемъ авторитета того или другаго богослова. Словомъ, могло ли Гуситство, по происхожденію своему столь далекое отъ началъ протестантизма, не проявиться на дѣлѣ протестантскою сектою?

Собственное преданіе народное указывало Чехамъ на Востокъ, какъ на источникъ ихъ первобытной вѣры. Дѣйствительно, одинъ Востокъ могъ дать искомую точку опоры христіанскаго исповѣданія, свидѣтельствовавшего о себѣ внутреннимъ авторитетомъ своего неизмѣннаго преданія и своего единства. И туда-то, на Востокъ, на земли пра-

вославныя, обращали Чехи свои взоры, въ надеждѣ получить оттуда желанный свѣтъ божественной истины. Исторія Гуситства показываетъ цѣлый рядъ попытокъ сблизиться съ церковью Восточною, чтобы въ ней найти живое свидѣтельство первобытнаго христіанства. Еще при жизни Гуса, его неизмѣнный товарищъ и любимый ученикъ, Іеронимъ Пражскій, ѣдетъ въ Литовскія и Русскія земли; въ Витебскѣ и Псковѣ онъ всенародно приобщается къ православнои церкви. Но, по возвращеніи оттуда, онъ тотчасъ попадаетъ въ тюрьму и на костеръ: дѣло остается безъ послѣдствій. Потомъ Чехи безпрестанно ищутъ связи съ православными жителями земли Галицкой, упорно добиваются непосредственныхъ (помимо католической Польши) сношеній съ полу-Русскою Литвою и съ ея, въ то время почти православнымъ, дворомъ, предлагаютъ престолъ св. Вячеслава князьямъ Литовскимъ. Этотъ народъ, только что завоевавшій себѣ свободу, съ восторгомъ отдастъ правленіе земли своей безвѣстному юношѣ, сыну православнаго Новгородъ-Сѣверскаго князя Дмитрія Ольгердовича Корибута, котораго государю Литовскому Витовту заблагоразсудилось отправить къ Чехамъ, какъ своего представителя. Самъ Жижка, покрытый славою непобѣдимости, неограниченный диктаторъ Чехинъ, безпрекословно подчиняется пришельцу изъ Литвы. Но преданная Риму Польша и преимущественно Польское духовенство, — вмѣшательствомъ своимъ пресѣкаютъ эту связь, заставля-

ють Витовта отказаться отъ сближенія съ Гуситами, отозвать изъ Чехіи своего намѣстника. Чехи не отчаяваются и задумываютъ войти въ непосредственное единеніе съ церковью Константинопольскою. Наконецъ, цѣль, кажется, достигнута: представители Константинопольской церкви убѣдились въ полномъ согласіи Гуситовъ (*) съ вѣрованіями православныхъ и торжественною грамотою принимаютъ Чеховъ въ лоно православной церкви. Но едва грамота подписана и отправлена, Константинополь дѣлается добычею Турокъ, и здѣсь опять связь порвана. Сама судьба какъ-будто прееждовала всѣ попытки Чеховъ стать на почву Восточнаго христіанства. Дѣло въ томъ, что самая мысль эта, отъ которой однако такъ много зависѣло для Чеховъ, завѣтъ ихъ прошлаго и единственный исходъ къ достиженію цѣли ихъ религіознаго стремленія, — самая мысль эта, говоримъ, была въ ту эпоху практически-неисполнима. XV вѣкъ былъ временемъ крайняго затемненія православнаго Востока. За Дунаемъ православные Славяне и Греки погибали; Москва была только незначительное княжество, закрытое отъ Европы Татарщиною. Литва, сильная своими православными областями, уже подчинилась, оффиціально, католицизму. Нигдѣ православная церковь не имѣла внѣшнихъ средствъ для поддержанія связей, заво-

(*) Именно такъ наз. Чашниковъ, непосредственныхъ послѣдователей ученія Гусова: они составляли значительное большинство Гуситовъ.

димыхъ съ нею Чехами, и столько лежало на ней горя, мрака и невѣжества, что, если бы даже не оказывалось случайныхъ препятствій, она едва ли могла бы получить дѣйствительное вліяніе на духовную жизнь такого народа, какъ Чехи, которые въ умственномъ развитіи стояли неизмѣримо выше всего христіанскаго Востока. Такимъ образомъ отрѣзана была у Чеховъ почва, которая хранила древнее преданіе христіанства. Отрѣшившись отъ Рима съ цѣлю возсоздать первобытную церковь вселенскую, они должны были ограничиться личнымъ толкомъ: чуждые протестантства по идеѣ, они должны были сдѣлаться протестантами. Самъ Гусъ, по особенной цѣльности взгляда и безспорно также благодаря древнему религіозному преданію, вынесенному изъ народной среды, — въ состояніи былъ создать ученіе, вполне соответствующее духу вселенскаго православія. Но это религіозное преданіе, которое Гусъ могъ вынести изъ народной среды, было въ ней, мы сказали, только безсознательною памятью старины, — и въ Гусѣ оно, силою личнаго суда, нашло сознательное выраженіе. Но съ тѣмъ вмѣстѣ преданіе это было убито: ибо въ народѣ Чешскомъ оно не заключало въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ принциповъ и, выразившись въ сознаніи, какъ плодъ личнаго суда, уже ничего не могло противопоставить этому новому, чисто - протестантскому началу. Пояснимъ нашу мысль, представивъ ее въ видѣ болѣе осязательнымъ. Гусъ, по смыслу своего ученія, не былъ

протестантъ; онъ былъ православный: но такимъ онъ сдѣлался на основаніи протестантскаго начала личнаго построенія церкви. Для внутренней, православной стороны Гусова ученія Чехи, какъ сказано, не въ состояніи были найти никакой опоры въ народахъ, общимъ и преемственнымъ соглашеніемъ сохранявшихъ это ученіе; въ самомъ же народѣ Чешскомъ такой опоры не могло дать преданіе, которое вело свое начало отъ Кирилла и Мефодія, будучи слишкомъ слабо, слишкомъ смутно, стерто вѣковымъ господствомъ латинской церкви. Игать живую силу имѣлъ въ себѣ только другой принципъ, начало личности въ ученіи вѣры. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Гуса, послѣдователи его дробятся на множество сектъ, представляющихъ все разномысліе ученія вѣры, отрѣшившагося отъ почвы преданія. Кромѣ нѣкоторыхъ, доходящихъ до крайностей рационализма или мистицизма, большая часть этихъ сектъ оставалась въ предѣлахъ, близко соответствующихъ позднѣйшимъ ученіямъ западныхъ протестантовъ. Самую замѣчательною и важною изъ такихъ сектъ были Таборскіе братья. И у нихъ исходною точкою осталась идея возстановленія первобытной церкви; но идея эта приняла характеръ мистическій, она перешла въ идею возсозданія царствія Божія на землѣ. Враждебный напоръ Западной Европы вызывалъ въ Чехахъ вооруженное сопротивленіе: и вотъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ стихій — мистической идеи о царствіи Божіемъ и патриоти-

ческой борьбы съ Европою, образовалось это религиозно-воинственное братство, которое носило грозное въ исторіи имя Таборитовъ. Въ отношеніи догматическомъ, они пришли къ тѣмъ самымъ почти положеніямъ, какія выработалъ впоследствии Кальвинъ и которыя составляютъ сущность реформатскаго ученія. Но мысль создать на землѣ царствіе Божіе придавало ихъ стремленіямъ направление социальное: чтобы осуществить царствіе Божіе, основанное на законѣ христіанскаго братства, они не только отвергли различіе сословій, но даже нѣкоторое время старались ввести у себя общность имущества. Осуществить же царствіе Божіе, осуществить законъ евангельскаго братства они хотѣли насильственнымъ истребленіемъ его противниковъ: въ этомъ проявлялся тотъ воинственный духъ, который вызвала въ Чешскомъ народѣ революціонная борьба противъ Западнаго міра. Табориты приняли на себя обязанность мстителій за нарушеніе христіанскаго закона, за оскорбленіе «языка Чешскаго и Славянскаго» (*), они провозгласили себя воителями Божіими: «Богъ — Господь нашъ! бейте, убивайте, никого не щадите», — въ этихъ заключительныхъ словахъ боевой пѣсни Жижковой выразился духъ Таборскаго братства. Со временемъ, когда внѣшніе враги были отражены и воинственный порывъ охладѣлъ въ Чешскомъ народѣ, братство это своими социаль-

(*) Собственныя выраженія Жижки.

ными стремленіями возбудило противъ себя страшную реакцію и было подавлено въ междоусобной борьбѣ, о которой мы скажемъ подробнѣе впоследствии; но тогда появилось въ Чехіи новое ученіе *братій*, которое, изъ той же точки отправленія, какъ Табориты, дошло до выводовъ прямо противоположныхъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ *Чешскихъ* или *Моравскихъ Братьяхъ*. Догматическою стороною своею также чрезъ вычайно близко подходя къ кальвинизму, *Братья*, подобно Таборитамъ, стремились къ созданію на землѣ царствія Божія. Но Таборцы брались за мечъ, чтобы осуществить «слово Божіе»; мечомъ они ограждали «слово Божіе» отъ католической Европы, мечомъ карали противниковъ «слова Божія» въ своемъ отечествѣ; а братство, основанное въ половинѣ XV вѣка Петромъ Хелчицкимъ и которое живетъ доселѣ въ общинахъ Гернгутеровъ, это новое релігіозное братство въ Чешскомъ народѣ не только положило мечъ въ ножны, но прокляло мечъ и взялось создать «царство слова Божія» на основаніи полного отрицанія не только всякого насилія, но и всякой внѣшней силы, всякого внѣшняго закона. Законъ нравственный, по мнѣнію Хелчицкаго, имѣетъ безпредѣльную силу дѣйствія на человѣка, и всякое внѣшнее установленіе только ограничиваетъ эту силу. На этомъ основаніи онъ отвергалъ законность государственнаго устройства и всякихъ властей и учрежденій; война, въ его глазахъ, безусловно противна Богу; ученики

его должны были воздерживаться отъ всякихъ должностей общественныхъ и государственныхъ; они должны были переносить все, терпѣливо подчиняться всему, никогда не отражая силы силою, никогда не мстя зломъ за зло, дѣйствуя единственно нравственнымъ оружіемъ убѣжденія. Не представляетъ ли это братство прямой реакціи противъ предшествовавшей ему кровавой общины Таборитовъ? И не состоитъ ли тихое, свѣтлое, исполненное евангельской любви общество *Братій* въ живой органической связи съ цѣлымъ развитіемъ религіозной мысли Чешской, которая отъ идеи возстановленія первобытной церкви Христовой перешла, естественнымъ влеченіемъ, къ мечтѣ осуществить на землѣ царствіе Божіе?

Но все это было только, такъ сказать, боковую вѣтвь Гуситскаго корня. Таборское братство оставалось небольшою общиною, преимущественно составленною изъ простаго народа, *Братій*—столь же немногочисленною общиною людей, преимущественно, изъ высшихъ образованныхъ классовъ. Огромное большинство Чеховъ старалось не отступать отъ ученія Гуса: это были такъ называемые Чашники (по-латыни Утраквисты). Силясь удержаться на догматической почвѣ своего великаго наставника, они принуждены были сочинить себѣ родъ условнаго, обязательнаго исповѣданья, въ которомъ хотѣли воспроизвести ученіе первобытной церкви. Но эта Гуситская церковь постоянно колебалась и постоянно искала себѣ исторической

точки опоры. При невозможности найти ее на Востоке и при ст. ахъ, внушаемомъ крайними сектами, оставалось только возвратиться къ церкви Римской, прибѣгнуть къ ея преданію и авторитету. И вотъ Гуситы, только что отразившіе войска крестоносцевъ, которыхъ Римская церковь противъ нихъ направляла, только что истреблявшіе съ ожесточеніемъ всѣ памятники католицизма, идутъ на сдѣлку съ Римскою церковью. Имъ хочется быть католиками, т. е. членами такой церкви, которая основана на авторитетѣ преданія, но съ тѣмъ, чтобы не признавать всего того, что въ католицизмѣ явно противорѣчило первобытному вселенскому христіанству (неогрѣшимости насъ, причащенія подъ однимъ видомъ хлѣба, аристократическаго и свѣтскаго характера іерархіи и т. под.). Соборъ, который представлялъ тогда Римскую церковь и имѣлъ притязаніе на характеръ вселенскаго, согласился на сдѣлку, отчасти по политической необходимости (чтобы положить конецъ страшнымъ вторженіямъ Гуситовъ въ католическія земли), отчасти, чтобы выказать свое собственное значеніе: ибо Базельскій соборъ почиталъ себя инстанціею, стоящею выше Римскаго первосвященника, и для заявленія этого права случай былъ прекрасный — признать законность исповѣданья, которое, отвергая безусловную власть папы надъ церковью, съ тѣмъ вмѣстѣ желало утвердить я на преданіи, хранившемся въ Западномъ христіанствѣ. Условное Гуситское исповѣданье, о которомъ мы

сейчас говорил, было признано и освящено соборомъ Римской церкви, въ такъ-называемыхъ Базельскихъ компактатахъ. Но папа не утвердилъ ихъ, и преемники Евгенія IV продолжали ихъ отвергать съ непреклоннымъ упорствомъ. По самому характеру Западной церкви, соборное начало было ей несвойственно: ибо оно состояло въ непримиримомъ противорѣчїи съ принципомъ полновластія главы этой церкви, папы; а изъ этихъ двухъ принциповъ, послѣдній, т. е. полновластіе папы, было живымъ плодомъ всего духовнаго развитія средневѣковаго Запада; напротивъ того, соборъ, какъ верховное судилище церкви, которому долженъ былъ подчиниться и папа, являлся тамъ лишь тѣнью стараго порядка церковнаго, въ минуту крайняго раздраженія народовъ противъ недостойнства и разврата «непогрѣшимаго» первосвященника. Но стоило только явиться подъ Римской тиарой лицу, сколько нибудь энергическому и впушавшему уваженіе, — и папа безъ особеннаго затрудненія закрывалъ соборъ или разгонялъ его и откладывая въ сторону его постановленія. Такъ было и съ Базельскимъ соборомъ. Гуситская церковь осталась по прежнему безъ основанія. Положеніе ея сходствовало съ позднѣйшимъ Французскимъ янсенизмомъ въ послѣднемъ фазисѣ его развитія, какъ самостоятельной церковной общины. Въ положеніи этомъ была существенная фальшь. Гуситское исповѣданье хотѣло опираться на авторитетъ церкви католической и, ссы-

лаясь на освященіе, данное ему Базельскимъ соборомъ, считало себя вѣрною этому авторитету; а тотъ, въ комъ сосредоточивался весь авторитетъ церкви католической, папа, предавалъ это самое Гуситское исповѣданіе проклятью, какъ ересь, требовалъ отъ послѣдователей его безусловнаго повиновенія.

Это внутреннее противорѣчіе томило и обезсильвало Гуситовъ. Въ немъ оставаться долго было невозможно. Многіе возвращались къ чистому, безусловному католицизму. Большинство, съ появленіемъ въ Германію протестантской проповѣди, перешло въ лютеранство или кальвинизмъ. Изъ передовыхъ двигателей религіозной мысли на Западѣ, какими они были въ началѣ XV вѣка. — Чехи въ началѣ XVI-го вѣка стали учениками Нѣмецкихъ и Швейцарскихъ реформаторовъ. Отчего это случилось? Какимъ образомъ Гусъ и Гуситы, которыхъ называютъ предшественниками протестантизма, не могли однако создать его, не могли провести въ жизнь Западнаго міра идею реформы и оставили другимъ это великое дѣло, съ котораго начинается новая эра въ развитіи чело-вѣческой мысли? Все религіозныя выводы Западныхъ реформаторовъ, все самыя разнообразныя ихъ положенія встрѣчаются уже въ ученіи того или другаго Чешскаго проповѣдника. Какимъ же образомъ Чехи, за сто лѣтъ до Лютера и Кальвина знавшіе и говорившіе все то, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ обновили духовную жизнь Западной Европы, —

какимъ образомъ Чехи не только не сдѣлали ничего подобнаго, но сами же потомъ пошли въ ученики къ Лютеру и Кальвину? Не знаемъ, задавалъ ли себѣ этотъ вопросъ кто-либо изъ Чешскихъ историковъ или изъ историковъ реформаціи. Для насъ, послѣ того, какъ мы вникли въ коренное различіе происхожденія Гуситства и Нѣмецкаго протестантизма, такой вопросъ долженъ разрѣшиться весьма просто.

Мы не станемъ тутъ прибѣгать къ мистическому понятію о духѣ времени и утверждать, что народы еще не были зрѣлы къ принатію реформы, когда идея ея возникла въ Чехіи (хотя не отрицаемъ безусловно и этого). Намъ не нужно также ссылаться на матеріалистическое понятіе о вліяніи племеннаго начала, будто оно было виною того, что Чехи, какъ Славяне, не могли быть вожатами Германскаго міра въ его духовномъ развитіи (хотя, конечно, и племенное начало имѣло тутъ свое дѣйствіе). Все это условія второстепенныя; главная же, существенная причина, почему Чехи не сдѣлались основателями протестантизма, та, что они сами не хотѣли бытъ протестантами. Въ развитіи своихъ ученій, въ примѣненіи своихъ теорій, они могли приходить ко всѣмъ результатамъ протестантизма; но первоначальная, основная идея ихъ была другая; иная также была ихъ цѣль. Помимо собственной воли, каждый изъ нихъ дѣлался протестантомъ; но создать протестантизма никто изъ нихъ не былъ въ состояніи, ибо что

человѣкъ творить бессознательно, то не можетъ овладѣть духомъ людей и народовъ.

Протестантизмъ есть отрицаніе преданія въ церкви, есть построение церкви на единой основѣ личнаго рационализма, толкующаго такъ или иначе откровенныя писанія. А мы видѣли уже, въ чемъ заключалась первоначальная, коренная идея Гуситства, мы знаемъ, какъ далека была отъ настоящаго протестантизма эта идея—возстановленіе вселенской церкви, какъ церкви, основанной на дѣйствительномъ преданіи, какъ церкви, исторически существовавшей въ землѣ Чешской. Такая идея была невозможна въ мірѣ Германскомъ и къ нему непримѣнима: ибо понятіе о церкви дѣйствительной, исторической, отождествлялось для него съ католицизмомъ; другой онъ не зналъ, и выходъ изъ католической церкви, когда она стала ему въ тягость, представлялся ему только въ построеніи новой церкви силами личнаго рационализма. Но идея Гуситовъ осталась неосуществленной и, послѣ столѣтняго опыта, могла уже быть признана неосуществимой. Условное исповѣданье такъ назыв. Чашниковъ, прибѣгнувшее снова къ Римской церкви за авторитетомъ преданія, но которое, устраняя самое основанье этого авторитета, непогрѣшимость намѣстника Христова, оставалось ересью въ глазахъ Римской церкви,—такое исповѣданье не могло удовлетворить людей, сколько нибудь отдававшихъ себѣ отчетъ въ началахъ своей религіи. Многие, какъ мы сказали,

возвращались безусловно къ католицизму. Но жертва была слишкомъ тяжела для народа, который выдержалъ такую страшную борьбу противъ Рима и всей католической Европы. И вотъ, когда Нѣмецкіе реформаторы выступили прямо противъ самаго кринцапа исторической церкви, съ безусловнымъ отрицаніемъ преданія, съ мыслью утвердить церковь на одномъ личномъ толкованіи священныхъ книгъ, то Чехи бросились къ Нѣмецкому протестантизму, какъ къ новому слову истины. Другаго исхода не оставалось. Старшіе братья въ дѣлѣ религиозной реформы, Чехи вдругъ очутились въ ней учениками Германіи и Швейцаріи. Большая часть Чашниковъ сдѣлались лютеранами, многіе кальвинистами; съ кальвинистами, съ другой стороны, стали сливаться братья Чешскіе, потому что догматическая сторона ихъ ученія была, какъ мы сказали, весьма сродна кальвинизму, а первоначальная идея этой общины — установленіе на землѣ царства безусловной свободы духа, мало-по-малу устранялась требованіями практической жизни. Переходъ былъ такъ быстръ, что папскій дворъ, спѣша предупредить совершенное сліяніе Чеховъ съ Западными протестантами, рѣшился теперь признать и благословить отдѣльную Гуситскую церковь Чашниковъ, основанную на извѣстныхъ намъ Базельскихъ «компактатахъ» (*). Но церковь эта съ тѣмъ вмѣстѣ теряла всякое живое значеніе: она становилась общиною вѣрующихъ въ непогрѣ-

(*) Въ 1564 г.

шимость папы католиковъ, которымъ папа какъ бы изъ снисхожденія даровалъ право причащаться хлѣбомъ и виномъ, читать Евангеліе въ церкви по Чешски. Даже (какая насмѣшка судьбы!) члены ордена іезуитовъ стали раздавать людямъ, считавшимъ себя послѣдователями Гуса и Рокницаны (*), причастіе изъ чаши съ виномъ, читали въ церквахъ священное писаніе на Чешскомъ языкѣ. Эта мнимо-Гуситская церковь, Гуситская только по виду, а въ сущности безусловно подчиненная авторитету папскому, стала такъ несправедлива Чехамъ, что они воспользовались ея упраздненіемъ при первой возможности. Воспользовавшись минутою, когда, подъ правленіемъ императора Максимилиана, имъ предоставлена была свобода дѣйствія, Чехи, черезъ три года послѣ утвержденія папою Базельскихъ компактатовъ, сами провозгласили эти компактаты недействительными и тѣмъ самымъ объявили Гуситскую церковь несуществующею. Народъ Чешскій, почти полтораста лѣтъ съ такими странными жертвами отстаивавшій свою самостоятельную церковь, вдругъ отказался отъ нея, какъ только увидѣлъ ее подъ покровомъ полновластія папскаго. Своими руками разорвавъ актъ Базельскаго собора, на которомъ основалось ихъ исповѣданіе, по утвержденіи этого акта папою, какъ непогрѣшимымъ главою христіанства, — Гуситы Чашники въ 1567 г.

(*) Рокницана — знаменитѣйшій изъ вѣроучителей Чешскихъ послѣ Гуса, около пятидесяти лѣтъ управлявшій Гуситскою церковью (умеръ въ 1471 г.)

окончательно соединились съ лютеранами и кальвинистами, или же возвратились къ католицизму,

Такъ кончилось религіозное движеніе Чеховъ. Часть народа сдѣлалась Западными протестантами, другая часть снова католиками. Религіозное движеніе, которое развилось изъ остатковъ Славянской духовной жизни въ Чехіи, которое сосредоточило въ себѣ все самобытныя стихіи, все живыя силы этой страны, — кончилось полнымъ разочарованіемъ, полнымъ духовнымъ подчиненіемъ Чешскаго народа Латинскому и Нѣмецкому міру.

Прослѣдимъ теперь другую сторону развитія Гуситской революціи. Достигла ли она своей цѣли въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ?

Цѣль эта была далеко не такъ опредѣлена, какъ цѣль религіозная, потому что самая идея, поднявшая Чешскій народъ къ революціи, принадлежала къ области церкви. Въ отношеніи гражданскомъ и политическомъ, революція Гуситская поставляла себѣ сознательно только одну задачу: освободить Чеховъ-Славянъ отъ преобладанія Нѣмцевъ. Эта задача была вскорѣ исполнена. Нѣмецкая часть населенія въ городахъ и деревняхъ Чешскихъ погибла или разсѣялась; Нѣмецъ, сынъ «благодѣтеля Чешской страны», знаменитаго Карла IV, рядомъ страшныхъ пораженій поплатился за попытки завоевать оружіемъ свой наслѣдственный престолъ; крестовые полки Германіи и прочихъ странъ разбиты и прогнаны были съ позоромъ: Славянская стихія осталась полною владычицею самостоятельной, свободной земли Чешской, предоставленной

самой себѣ. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ эта стихія возстановитъ государство, которое она вырвала изъ рукъ иноземцевъ; какъ устроится тамъ Славянское общество, сдѣлавшись неограниченнымъ хозяиномъ въ Чешской землѣ.

Не даромъ прожила Чехія четыреста лѣтъ общественною и политическою, также какъ духовною, жзнію Германскаго Запада. Чехи могли сохранить чувство своей Славянской народности и нецвствъ къ духовному и общественному гнету Нѣмецкаго міра. Народъ этотъ могъ возстать и освободиться отъ Нѣмцевъ: но сохранить и возстановить у себя стихіи общественной жизни Славянской было не въ его власти. Матеріальная и духовная сила Запада, втянувшаго Чешскій народъ въ свой кругъ, была сляшкомъ велика сравнительно съ силами его собственныхъ, Славянскихъ стихій. Возставшій и освободившись, онъ все-таки не могъ оторваться отъ общественной почвы, на которую привлеченъ былъ Западомъ. Образовать цѣльное государство и общество изъ собственныхъ Славянскихъ началъ было уже дѣломъ несбыточнымъ для Чешскаго народа въ XV вѣкѣ.

Однако, въ первый мгновенія революціи, казалось, Чешскимъ народомъ овладѣлъ духъ новой жзнни общественной. Принятая отъ средневѣковой Германіи гражданская и государственная организація съ ея сословною исключительностью, по виду, исчезла изъ Чешской земли и дала мѣсто новому порядку вещей. Весь народъ выступилъ

какъ цѣльное тѣло, оживленное единымъ духомъ. Весь народъ совѣщался о дѣлахъ вѣры и правленія, о защитѣ отечества, онъ выбиралъ вождей, онъ отражалъ крестовыя войска Западной Европы. Исходя изъ мистической идеи возсозданія на землѣ царствія Божія, братство Таборитовъ, съ религіозною стороною котораго мы уже ознакомились, прямо отвергло сословное начало; а въ этомъ братствѣ были и люди рыцарскаго сословія, какъ самъ вождь его Жижка, и члены высшей знати, родовъ, какъ Николай изъ Гусинца, Викторинъ изъ Подѣбрадъ и множество другихъ, и цѣлыя городскія общества съ своими бургомистрами и «консулами» (ратманами). Новый духъ вѣялъ въ эти первые дни революціи. Но сословное начало Германское слишкомъ глубоко вкоренилось въ жизнь и понятія Чеховъ; потрясти или обновить его оказалось невозможнымъ. Таборское братство стало быстро терять характеръ всенародной общины, какою оно въ началѣ, казалось, готово было сдѣлаться; оно стало все болѣе и болѣе суживаться, такъ сказать, въ особую демократическую партію. Отъ нея все рѣзче отдѣлялись привилегированныя сословія, притягивая вновь въ кругъ своихъ старыхъ исключительныхъ интересовъ большую часть тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые сперва прижкнули къ Таборитамъ,—и принимая съ своей стороны опредѣленный характеръ консервативной партіи. Только общая опасность отъ внѣшнихъ враговъ сближала обѣ стороны; но послѣ первыхъ побѣдъ надъ ге-

пріятелемъ, открывалась снова та бездна, которую стихіи Западной жизни положили въ Чехіи между тремя привилегированными сословіями (высшею знатью, рыцарствомъ и мѣщанствомъ) и безправною массою народа. Однако въ этой массѣ народной духъ оживился, простолюднѣ Чешскій извѣдалъ свою силу, когда онъ, подъ предводительствомъ Жижки, своими страшными цѣпами молотилъ головы Нѣмецкихъ бароновъ и Чешскихъ рыцарей-католиковъ. Необходимо завязалась борьба, — первообразъ борьбы, которая потомъ такъ долго велась въ Западныхъ государствахъ Европы. борьба привилегированныхъ сословій съ демократическою партіею, опиравшеюся на простой народъ. Такъ мало осталось у Чеховъ въ ихъ Славянской стихіи началъ общественной организациі, что сторона, по преимуществу Славянская, народная, сдѣлалась тамъ представительницею стремленій противообщественныхъ и противогосударственныхъ. Табориты, прославившіеся такими дивными военными подвигами, не представляли собою никакой органической идеи въ сферѣ общественной; они принялись за полное ниспроверженіе общественнаго порядка: ихъ послѣдними словами были терроръ и коммунизмъ. Читая о Таборитахъ, этой Чешской демократической партіи XV вѣка, думаешь, что дѣло идетъ о Якобинцахъ и социалистахъ революціонной Франціи. А въ противоположность этой партіи, привилегированныя сословія, аристократія и мѣщанство, то-есть, собственно представители обще-

ественныхъ началъ Германскихъ въ Чехіи, воплотили въ себѣ идею общественнаго и государственнаго порядка. Это было роковымъ приговоромъ для Чехіи: то, что она заимствовала отъ Запада, то, противъ чего возсталъ въ ней Славянскій духъ, оказалось основою ея общественнаго организма; въ Славянской ея стихіи уже изсякъ источникъ для общественнаго творчества. Борьба обѣихъ сторонъ была страшная, кровавая; исходъ — несомнѣненъ. Только необходимость отчаяннаго сопротивленія громаднымъ войскамъ, которыя Западныя народы высылали для подавленія Чешской революціи, давала силу партіи Таборитовъ, этимъ Якобинцамъ Гуситской Чехіи. Съ прекращеніемъ опасности, они были задавлены союзомъ трехъ привилегированныхъ сословій, знати и рыцарства съ горожанами. Та часть народной массы, которая не хотѣла возвратиться въ прежнее униженіе и уходила за границу, составила родъ казачества, но казачество бѣзцѣльное, бесплодное для родной страны, скитавшееся, какъ толпы наемниковъ, по сосѣднимъ государствамъ. Чехія возвратилась вполнѣ къ тому общественному строю, который былъ на нее въ прежніе вѣка наложенъ вліяніемъ Германскаго міра. Перемена отъ дѣйствія революціи была только внѣшняя. Въ пылу одушевленія патріотической борьбою, серхній слѣй Чешскаго общества страшнулъ съ себя господство Нѣмецкихъ обычаевъ и Нѣмецкаго языка. Такъ, на примѣръ, мы знаемъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, при Карлѣ IV

и Вячеславъ IV, Нѣмецкій языкъ господствовалъ совершенно при дворѣ Чешскихъ королей, въ семействахъ знати и между жителями столицы; а въ половинѣ XV вѣка, Нѣмка, шестилѣтняя дочь герцога Саксонскаго, обрученная съ однимъ изъ сыновей короля Чешскаго и взятая для воспитанія въ Чехію, совершенно забыла тамъ Нѣмецкій языкъ и, послѣ пятилѣтняго пребыванія при дворѣ въ Прагѣ, умѣла говорить только по-Чешски. Внѣшняя перемѣна, мы повторяемъ, была огромная. Но въ сущности, верхній слой Чешскаго общества не измѣнился. Онъ остался аристократіею въ средне-вѣковомъ Германскомъ смыслѣ, аристократіею, раздѣленною притомъ, какъ и въ тогдашней Германіи, на сословіе высшей знати и на сословіе простыхъ благородныхъ или рыцарей. Городекой классъ тоже пересталъ говорить по-Нѣмецки и одушевился сознаниемъ Славянской народности; но онъ остался такимъ же замкнутымъ сословіемъ средне-вѣковыхъ «бюргеровъ», каковымъ былъ въ Германіи. Эти три привилегированныя сословія, согласно принятымъ отъ Запада понятіямъ, продолжали вмѣщать въ себя всю полноту гражданского общества, весь народъ, какъ политическое тѣло. А самый народъ очутился снова исключеннымъ изъ жизни общественной и сталъ быстро приближаться къ совершенному порабощенію.

Дальнѣйшій ходъ Чешской революціи, послѣ пораженія демократической партіи въ Липанскомъ побоищѣ (1434 года), во многомъ напоминаетъ

явленія, которыми завершались позднѣйшія революціи на Западѣ Европы. Реакція, послѣ побѣды аристократіи и мѣщанства надъ стороною народною, ознаменовалась тотчасъ попыткою реставраціи. Чехія приняла законнаго короля своего, Сигизмунда, который семнадцать лѣтъ (1419 — 1436) ждалъ отъ нея признанія своихъ правъ. Но король, окруженный католиками и эмигрантами Чешскими, съ нимъ возвратившимися на родину, не хотѣлъ сообразоваться съ порядкомъ вещей, созданнымъ революціею, особенно съ правами Гуситской церкви, заключавшимися въ Базельскихъ компактатахъ (*), и уже черезъ годъ произошелъ разрывъ. Только немедленно за тѣмъ послѣдовавшая смерть Сигизмунда II, годъ спустя, кончина его преемника (**), пропитаннаго тѣми же понятіями, предупредилъ вторичное ниспроверженіе Чешскаго престола. Само собою, со смертію Сигизмундова наследника Альбрехта, Чехія очутилась снова безъ государя.

Наступила анархія, но не такая, какая сопровождается революцію во время ея разгара, — нѣтъ; а анархія утомленной революціею страны. Негра-

(*) Мы объяснили выше значеніе этого договора, которымъ Гуситы хотѣли возвратиться въ общеніе съ Римскою церковью, сохраняя въ то же время свою духовную независимость отъ Папской власти.

(**) Альбрехта, эрцгерцога Австрійскаго: какъ зять Сигизмунда, не оставившаго мужскаго потомства, онъ былъ избранъ ему въ наследники, какъ Чехами, такъ и Венграми. Сынъ Альбрехта, Ладиславъ, родился только послѣ смерти своего отца.

виченные властители Чехіи, аристокрація и мѣшанство, предались полному разгулу своеволія. Повсемѣстная неурядица, драки между *панами*, драки пановъ съ горожанами, закабаленіе слабыхъ сильными, вотъ какой видъ представляетъ эта эпоха (1439—1448). Но между тѣмъ внѣшній врагъ не смѣлъ тронуть Чехіи: такой страхъ нагнала революціонная земля своими побѣдами. Въ общемъ неустройствѣ, стала выдаваться мало-по-малу, въ средѣ аристократіи Чешской, помышлявшей только о своихъ корыстныхъ цѣляхъ, личность молодого человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и мужественною любовью къ родинѣ, и онъ рѣшился вывести ее изъ хаоса. Довжимъ и смѣлымъ ударомъ, такимъ, къ какому вполне идетъ современное названіе *coup d'état*, Юрій Подѣбрадскій устранилъ главныхъ представителей анархическаго самовластія аристократіи и, поддерживаемый сочувствіемъ огромнаго большинства жителей, взялъ въ руки управленіе Чехіи, сперва съ титуломъ верховнаго губернатора, потомъ какъ намѣстникъ молодого сына Альбрехтова, короля Ладислава, имъ же добровольно признаннаго и посаженнаго на престолъ, наконецъ, послѣ смерти этого Ладислава, какъ избранный и вѣнчанный король земли своей.

Юрій Подѣбрадскій вначалѣ возвысился, какъ мы сказали, насиліемъ. Онъ былъ одною изъ самыхъ энергическихъ личностей своего вѣка. Тѣмъ не менѣе, трудно найти въ исторіи примѣръ государя, который умѣреннѣе и притомъ съ такою

сознательною умѣренностью пользовался своими правами и своею властію. Правленіе его отличалось какъ особенно частымъ созваніемъ сеймовъ, такъ и необыкновеннымъ уваженіемъ короля къ ихъ мнѣнію и рѣшеніямъ. Царствованье Юрія Подѣбрадскаго представляетъ весьма опредѣленную попытку основать государственный порядокъ на равновѣсіи королевской власти, съ законодательнымъ голосомъ тѣхъ трехъ сословій, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, вмѣщалось гражданское общество страны.

Намъ извѣстно, что такую государственную организацію Чехія обязана была прежней эпохѣ своей исторіи. Дѣйствительно, государственный строй Чехіи при Подѣбрадѣ не заключалъ въ себѣ никакихъ началъ, которыхъ не было при Оттокарахъ и Карлѣ IV, когда страна эта находилась совершенно подъ властію Германскаго духа. Но тотъ порядокъ вещей, который въ то время носилъ на себѣ отпечатокъ иноземнаго происхожденія, который велъ за собою и внѣшнее господство Нѣмецкой стихіи въ языкѣ, въ обычаяхъ, въ политическихъ стремленіяхъ, — этотъ самый порядокъ вещей, говоримъ мы, въ Чехіи Подѣбрадовой является какъ бы переработаннымъ въ горнилѣ революціи, очищеннымъ отъ иностраннаго характера, воспринявшимъ въ себя духъ Славянской народности. Монархія Подѣбрадова представляетъ прекрасный снимокъ съ Западнаго средневѣковаго конституціоннаго правленія, того правленія, образецъ котораго въ дальнѣйшемъ нормальномъ его

развитіи представляет намъ исторія Англіи. Снямокъ былъ сдѣланъ давно, въ XIII и XIV вѣкъ; но онъ оставался мертвеннымъ подражаніемъ, пока Гуситская революція не оживила всѣхъ частей его сознаниемъ народности. Таковъ былъ плодъ Гуситской революціи въ области гражданской и государственной; таковъ былъ и общій итогъ политическаго развитія Чехіи: конституціонная монархія, основанная на сословныхъ началахъ, принятыхъ отъ Запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутая идеею Славянской народности.

Но это политическое зданіе, — работа осьмивѣковой исторіи Чешскаго народа, — оказалось недолговѣчнымъ. Царствованіе Юрія Подѣбрадскаго, при которомъ Чешское государство только достигло окончательнаго устроенія, было вмѣстѣ и его апогеемъ, и началомъ его паденія. Какой же былъ въ немъ зародышъ смерти? Или только внѣшняя сила разрушила это государство? — Даже въ настоящее время, по прошествіи четырехъ вѣковъ, государство Подѣбрадово внушаетъ глубокое сочувствіе всякому, кто познакомится съ той эпохой (*). Оно поражаетъ насъ, какъ свѣтлая кар-

(*) Такое впечатлѣніе производитъ личность Юрія Подѣбрадскаго и состояніе Чехіи подъ его правленіемъ не только на историковъ Чешскихъ, но и на иностранцевъ, изучавшихъ этотъ періодъ Чешской исторіи. Приведу въ примѣръ Нѣмецкаго писателя Гордана, посвятившаго Юрію Подѣбрадскому цѣлое сочиненіе (*das Königthum Georgs von Podebrad, Leipzig 1861*) и Француза, Saint René Taillandier (см. рядъ статей его: *le roi George de*

тина, благородное творение художника, среди безобразных очертаний, представляемых тогдашними государствами Западной Европы. Невольно возмущаешься против печальной участи, постигшей это прекрасное государство Подбродово, невольно думаешь: изъ такихъ начатковъ какіе великолѣпные могли бы развиться плоды для Чехіи, для Славянскаго міра, для всей Европы, если бы не безжалостная злоба Римскихъ папъ, если бы не вла-

Podiebrad, épisode de l'histoire de Bohême, въ *Revue des deux Mondes* 1862 года). Статьи послѣднѣго представляютъ извлеченіе изъ IV-го тома исторіи Чехіи Пялецкаго (томъ этотъ касается именно эпохи Подброда) и изъ вышесприведенной книги г. Юрдана; но въ извлеченіе это г. Тальяндѣ внесъ самостоятельный взглядъ на религиозное значеніе Гуситства, на его существенное различіе отъ позднѣйшаго Нѣмецкаго протестантизма. Взглядъ этотъ совершенно совпадаетъ съ нашимъ мнѣніемъ, изложеннымъ выше. Г. Тальяндѣ видитъ также въ Гуситствѣ не попытку рационалистической реформы, а стремленіе возстановить первобытную вселенскую церковь. Только онъ не знаетъ историческихъ данныхъ, обусловившихъ появленіе этого стремленія именно въ Чешскомъ народѣ, онъ не знаетъ положительной основы, изъ которой оно развилось и черпало силу. Вотъ почему оно, въ изложеніи Французскаго писателя, получаетъ совершенно эпизодическій характеръ, являясь какой-то громадной прихотью, овладѣвшей умами Чеховъ въ XV вѣкѣ. — Мы познакомились съ статьями г. Тальяндѣ уже послѣ того, какъ былъ напечатанъ отдѣлъ нашей статьи, касающійся происхожденія и развитія Гуситскаго религиознаго движенія оттого помѣщаемъ здѣсь это замѣчаніе, которое должно служить оговоркою къ словамъ нашимъ тамъ, гдѣ мы говорили о впринячкѣ Западныхъ писателей отождествлять Чешское Гуситство съ позднѣйшимъ протестантизмомъ.

столюбивое коварство Матвея Корвина!... И при этих мыслях душа негодуетъ на нихъ за дѣла, покрытыя четырехсотъ-лѣтнею давностью.

Въ нравственномъ отношеніи негодованіе справедливо. Съ нравственной точки зрѣнія, образъ дѣйствія Пія II и Павла II, образъ дѣйствія Венгерскаго короля противъ Юрія Подѣбрадскаго возмутительны. Но они ли помѣшали упрочиться въ Чехіи престолу Подѣбрада и его благородной идеѣ правленія, или ли были виновниками паденія Чешскаго государства?

VII.

Во время Гуситской революціи, какъ мы видѣли, Чехія стояла одиноко среди всѣхъ окрестныхъ странъ. Представитель Славянской реакціи противъ Германскаго духа, представитель идеи первобытной церкви вселенской противъ средневѣковаго папизма, народъ Чешскій являлся всему католическому міру изчадіемъ кромѣшныхъ силъ, воплощеніемъ самого сатаны (*). Германія, подкрѣпляемая другими Западными странами, и Венгрія со всѣхъ сторонъ осаждали его своими войсками; даже Польша, предпочитая интересы Рима дѣлу Славянской народности, помогала его врагамъ. На всемъ пространствѣ земли не было у него поддержки, не было союзника. Однако онъ устоялъ тогда, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

(*) Любопытно, между прочимъ, то, что во время энтузіазма, возбужденнаго чудесными побѣдами Дѣвы Орлеанской, возникла на Западѣ надежда, что она, воительница Божія, кончивъ свою задачу во Франціи, пойдетъ истреблять Чеховъ. Ей приписываютъ посланіе, гдѣ она это предвѣщала.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Послѣ подавленія народной партіи Таборитовъ, въ Чехіи восторжествовали снова, если не народность Нѣмецкая, то общественныя начала Германской жизни; въ то же время Гуситы рѣшились на примиреніе съ Римскою церковью. Наконецъ подъ сильной рукой Юрія Подѣбрадскаго анархія улеглась и уступила мѣсто благоустроенному порядку. Подобіе средневѣковыхъ государствъ Западно-Европейскихъ, монархія Подѣбрадова не представляла, въ своей общественной и политической организаціи, современному Западу ничего чуждаго и антипатическаго. Напротивъ того, она привлекала къ себѣ сочувствіе его королей и князей, его юристовъ и политиковъ, она являлась имъ идеаломъ гражданскаго общества. Такое отношеніе Запада къ Чешскому государству при Подѣбрадѣ не должно удивлять насъ, хотя мы знаемъ, какія страшныя для Запада воспоминанія соединялись въ ту пору съ именемъ Чеховъ, и какъ гордо они противопоставляли Германскому міру свою Славянскую народность. Но не столько внѣшніе признаки народности, сколько внутреннее тождество или противорѣчіе общественныхъ началъ сближаютъ и раздѣляютъ человѣческія общества. Въ Чехіи Подѣбрадовой просвѣщеннѣйшіе люди тогдашней Германіи и Франціи узнавали всѣ ступени своего собственнаго общественнаго строя; но они видѣли въ ней то, до чего сама Германія и Франція еще не достигали въ XV вѣкѣ и что дано было Чехіи революціею, вызвав-

шею въ ней повсемѣстную самодѣтельность общественную, и высокою личностью государя, наследника этой революціи и ея умирителя: они видѣли въ Чехіи сознательно устроенный порядокъ государственный, общество, проникнутое народнымъ патріотизмомъ, государя, дорожившаго одинаково преимуществами своей власти и правами своихъ подданныхъ. Король Чешскій былъ могущественнымъ посредникомъ, къ которому обращались курфирсты и герцоги Нѣмецкіе въ своихъ распряхъ; онъ вступилъ въ тѣсную связь со многими изъ нихъ; онъ былъ сильнѣйшимъ членомъ Германской имперіи и въ то же время ея безпристрастнымъ миротворцемъ. Онъ выручалъ не разъ изъ бѣды безпомощнаго императора Фридриха III и имѣлъ на него огромное вліяніе. Патріоты Нѣмецкіе, видя безсиліе императорской власти и распаденіе своего отечества, мечтали о томъ, чтобы вручить ему, еретикъ — Славянину, съ титуломъ короля Римскаго, верховное управленіе «священной» имперіи Германской; и этотъ планъ не казался въ то время несбыточнымъ и страннымъ. Польша, Франція, Бургундія уважали короля Чешскаго и находились съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ. Онъ былъ тестемъ и другомъ короля Венгерскаго Матвея Корвина. Чехія въ то время была одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но какъ быстро она сошла съ этой высоты! Опасность по видимому ничтожная въ сравненіи съ тѣми бурями, которыя народъ Чешскій выдержалъ во время Гу-

ентской анархii, могла въ нѣсколько лѣтъ разрушить благоустроенное, со всѣхъ сторонъ обезпеченное государство Подѣбрадово. Вѣроятно, начало разрушенiя лежало въ самой основѣ этого государства.

Мы говорили уже, что Гуситское движенiе въ своей религiозной сторонѣ не могло найти послѣдователей въ другиѣхъ Европейскихъ странахъ, и объяснили себѣ причину этого существеннаго его различiя отъ позднѣйшаго Нѣмецкаго протестантизма. Мы знаемъ также, что новыя общественныя стремленiя, которыя заключались въ Гуситствѣ, не выдержали борьбы съ общественными началами, принятыми Чехiею отъ средневѣковаго Запада, и что вышедшее изъ Гуситской революцiи государство было по прежнему основано на этихъ началахъ. Но въ то же время, государство Подѣбрадово оставалось порожденiемъ революцiи и носило на себѣ печать своего происхожденiя. Идея государства, какъ безусловнаго представителя блага общественнаго, какъ самоупоуконяющагося воплощенiя общественнаго права, была чужда средневѣковому Западу, который ограничивалъ право общественное правами сословными и личными, и для идеи государства искалъ узаконенiя не въ ней самой, а во внѣшней, бюкратической власти. Гуситская революцiя свергла съ Чешскаго народа вѣру въ безусловный авторитетъ папскiй, источникъ освященiя для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ на Западѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ, революцiя

эта, въ борьбѣ, ею вызванной, выдвинула въ сознаніи Чеховъ идею общественнаго блага, какъ права, которое царло надъ всѣми другими правами. Государство Подѣбрадово наслѣдовало эти политическіе плоды революціи. Юрій Подѣбрадскій былъ первый еретикъ на престолѣ въ Западной Европѣ; въ первый разъ верховная власть государственная не только обходилась безъ освященія отъ главы церкви, но даже не признавала самаго принципа этого освященія, т. е. вѣры въ нату, какъ Божія намѣстника; въ первый разъ государство на Западѣ отрѣшалось отъ церкви и въ себѣ самомъ, въ идѣ общественнаго блага, котораго оно было представителемъ, находило свое узаконеніе. Словомъ, монархія Юрія Подѣбрадскаго была, какъ выражаются Западные писатели, первымъ примѣромъ секуляризаціи государства (*).

Вся Европа въ то время стремилась къ этому самому результату.. Но то, что было медленно, шагъ за шагомъ, пріобрѣтенъ за пріобрѣтенъ, достигаемо Людовикомъ XI во Франціи, Генрихомъ VII въ Англіи, Фердинандомъ Католическимъ въ Испаніи и всѣми мелкими владѣтелями Германскими, это разомъ, въ полной мѣрѣ, досталось Чехинъ, какъ наслѣдство ея революціи. Оттого-то необыкновенное значеніе Чешскаго государства въ тогдашнемъ

(*) Эта идея особенно полно и подробно, во, какъ намъ кажется, съ односторонностью, единствомъ исключительною, развита въ книгѣ г. Гордана, „das Königthum Georgs von Podobrad,“ о которой мы уже упомянули.

политическомъ мірѣ; оттого-то сочувствіе, которымъ Чешскій король и его государственное устройство Чехіи пользовались при Европейскихъ дворахъ и со стороны передовыхъ людей тогдашней Европы. Нравственное вліяніе Чешскаго государства, какъ олицетворенія новаго политическаго начала, носившагося по всей Европѣ, было огромное. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, государству Чешскому предстояла еще борьба съ противникомъ, — безспорно, одряхлѣвшимъ, но все-таки страшнымъ для Западныхъ народовъ, съ папскимъ престоломъ. Папы, и особенно люди, одаренные такимъ умомъ, какъ дипломатъ Эней Сильвій (Пій II), такую высокоумѣнную энергіей, какъ Венеціанскій патрицій Барбо (Павелъ II), не могли не видѣть, что политическая власть надъ міромъ уходила изъ ихъ рукъ; главною, открытою, безусловною представительницею секуляризаціи государства была Чехія. И такъ, вотъ намѣстникъ Христовъ призываетъ Юрія Подѣбрадскаго предъ апостольскій судъ, чтобы отречься отъ ереси и, по примѣру прежнихъ королей и императоровъ, принести изъявленіе покорности священному престолу; затѣмъ на голову ослушника сыплются проклятья за проклятьями, и эти анафемы, въ которыхъ истощено все, что могла придумать разъяренная своимъ безсиліемъ бюрократія, повторяются, какъ зловѣщее пророчество, въ каждомъ конклавѣ, при каждомъ священнодѣйствіи Римскаго владыки: всѣ пружины дипломатическаго искусства пущены въ ходъ, чтобы при-

говору бюократіи надъ государствомъ Чешскимъ найти мірскаго исполнителя.

Но не видать исполнителя. Напротивъ того, всё государи Европы заняты, какъ мы сказали, проведеніемъ въ жизнь той же самой идеи, которая осуществлена была въ монархіи Чешской и которая именно привлекла на нее всю эту бурю проклятій; никто изъ нихъ не трогается на призывъ папскій, а многіе еще болѣе сближаются съ Юріемъ, иные даже протестуютъ въ Римъ противъ его осужденія, берутъ его подъ свою защиту предъ папскимъ дворомъ. А между тѣмъ, Юрій, съ своей стороны, опережая на цѣлыя столѣтія своихъ современниковъ, предлагаетъ разнымъ правительствамъ составленіе «парламента Европейскихъ государей», который устранилъ бы вмѣшательство Римскаго первосвященника въ свѣтскія дѣла и рѣшалъ бы мирнымъ судомъ споры между государствами. Онъ очевидно боялся за Чехію и думалъ обезпечить ея положеніе; онъ будто чуялъ грозу, уже тогда, когда громаы Божія намѣстника еще умирали въ стѣнахъ Ватикана и глубокой миръ окружалъ Чешскую землю.

И гроза наступила; Римскій дворъ нашелъ желаннаго союзника. Къ подножію апостольскаго престола припалъ одинъ изъ членовъ Чешской аристократіи, который, за сопротивленіе закону и вооруженный разбой, подвергся строгости королевской власти. Павелъ II пріялъ его подъ свой покровъ, какъ невпниую жертву. Начало было по-

ложено. Аристократія Чешская прислушалась къ происходившему въ Римѣ и рѣшила, что власть такого строгаго блюстителя порядка государственнаго, какимъ былъ король Юрій, для нея невыносимо-тягостна. Главнѣйшіе члены ея составили между собою конфедерацію подъ предлогомъ защиты католической религіи и правъ папскаго престола; папа благословилъ ихъ на подвигъ; они подняли оружіе противъ короля. Междоусобная война потрясла значеніе Подѣбрада при Европейскихъ дворахъ, выказала слабость Чешскаго государства, и слабостью этою воспользовался властолюбивый король Венгерскій Матвей Корвинъ. Ему теперь показалось легко присоединить Чехію къ своей державѣ, и онъ объявилъ себя покровителемъ конфедераціи Чешскихъ «пановъ», исполнителемъ папскаго приговора надъ еретикомъ Юріемъ. Папа передалъ ему Чешскій престолъ, собраніе «пановъ» Чешскихъ и Моравскихъ провозгласило его своимъ королемъ.

Но Юрій Подѣбрадскій не былъ покинута. Представитель Чешской народности и государственной независимости, представитель Гуситской церкви и патріотическихъ преданій Гуситскихъ войнъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ массу народа, Гуситское духовенство, большинство горожанъ, часть рыцарства (т. е. низшей аристократіи) и даже многихъ «пановъ», которые предпочитали благо отечества интересамъ сословнаго самовластія. Борьба была одна изъ самыхъ упорныхъ и кровопролитныхъ.

Юрій Подѣбрадскій выказался во всей высотѣ своего благороднаго духа и военнаго таланта. Но время чудесъ Гусятскихъ войнъ прошло: такой восторгъ одушевленія, такое лихорадочное напряженіе народныхъ силъ, какое въ ту пору возбудила революція, не могло быть явленіемъ нормальнымъ и продолжительнымъ; и Чехи при Юріѣ Подѣбрадскомъ, по прежнему превосходя непріятеля храбростью и военнымъ искусствомъ, уже испытывали на себѣ — что значитъ вещественный перевѣсъ числа. Наступало время, когда Чешскій народъ долженъ былъ ощутить свою матеріальную слабость среди большихъ народовъ Европы и необходимость опереться на какое-нибудь другое государство. Первымъ вѣстникомъ этой идеи былъ самъ король Юрій. Мы уже упомянули, что онъ, еще до возстанія Чешскихъ вельможъ и союза ихъ съ Венгерцами, предлагалъ постоянный Европейскій конгрессъ, въ надеждѣ этимъ обезпечить положеніе своего отечества. Потомъ, въ началѣ возмущенія аристократіи, онъ думалъ примирить съ собою Римскій дворъ общаніемъ изгнать Турокъ изъ Европы и хотѣлъ, соединенными силами Чехіи и Венгріи (съ послѣднею еще не было разрыва), возстановить Восточную имперію: онъ самъ мечталъ надѣть на себя императорскій вѣнецъ въ св. Софіи. Наконецъ, когда удары Корвина и внутреннихъ враговъ разсѣяли всѣ блестящіе замыслы и нужно было думать о спасеніи государства, Юрій, чувствуя, что ему не долго остается

жить, созвалъ земскій сеймъ и предложилъ ему назначить наслѣдникомъ Чешскаго престола — не кого либо изъ сыновей своихъ (хотя изъ нихъ двое уже славились военными доблестями и пользовались любовью народа), а сына Польскаго короля Казимира. Ягеллова внука Владислава. Сеймъ утвердилъ предложеніе короля.

Вскорѣ потомъ (*) умеръ Юрій Подѣбрадскій, одинъ изъ самыхъ великихъ и добрыхъ людей, которыми можетъ гордиться Славянскій міръ; онъ умеръ среди разгара борьбы съ аристократическою партіею въ собственной землѣ, и съ Венгерскимъ завоевателемъ: умеръ непобѣжденнымъ, но оставляя свой народъ въ страшномъ изнуреніи отъ междоусобной войны, — и войны съ внѣшнимъ врагомъ, несравненно сильнѣйшимъ.

Воля Юрія Подѣбрадскаго была исполнена. Чехи, и сами сыновья покойнаго короля, «для блага языка Славянскаго» (**), признали Владислава Польскаго своимъ государемъ. Матвей Корвинъ продолжалъ войну еще восемь лѣтъ и при нерѣшительности съ какою Польша вступалась за Чехію, достигъ отчасти своей цѣли. Онъ заключилъ миръ лишь тогда, когда Владиславъ уступилъ ему

(*) Въ 1471 году.

(**) Regnum Bohemiae ad honorem omnipotentis Dei augmentum fidei christianae et decus linguagii slavonic publico consensu acceptat: такова была формула, произнесенная (по Польски) 15-лѣтнимъ Владиславомъ, когда онъ принималъ Чешскую корону.

(правда только въ пожизненное владѣніе) половину Чешскихъ земель, т. е. Моравію и почти всю Силезію. Владиславъ сохранилъ одну Чехію въ тѣсномъ смыслѣ и Лузацію.

Чехія сошла со сцены всемірной исторіи. Могущественная держава Подѣбрада сдѣлалась однимъ изъ второстепенныхъ королевствъ Европейскихъ. За то на развалинахъ государства, которое почерпнуло столько силъ изъ революціоннаго порыва Гуситскаго и которому Юрій Подѣбрадскій далъ правильную организацію конституціонной монархіи, царилъ аристократія. Она одержала побѣду и нашла въ своемъ королѣ Владиславѣ государя, какой былъ ей надобенъ. Слабый по природѣ, онъ былъ притомъ, по воспитанію своему, проникнутъ Польскими идеями полновластія шляхты и давалъ этимъ идеямъ свободный просторъ развитія въ своемъ новомъ отечествѣ. Аристократія стала дѣйствительною правительницею Чехіи.

VIII.

Между тѣмъ какъ Чехія, изнемогая отъ внутренняго разстройства и вышней войны, искала опоры въ союзѣ съ Польшею, Венгры съ своей стороны, тѣснимые завоеваніями Турокъ, почувствовали также, что имъ однимъ не устоять и что необходимо имъ привлечь къ себѣ новыя силы. Слѣдствіемъ этой потребности было то, что Венгрія, послѣ смерти Матвея Корвина, призвала на свой престолъ короля Чешскаго (*). Владиславъ переехалъ въ Будимъ. Отторгнутыя Корвиномъ отъ Чехіи области были ей возвращены, но полѣтичское значеніе государства Чешскаго еще болѣе упало. Уже однимъ своимъ матеріальнымъ перевѣсомъ Венгрія неминуемо должна была перетянуть Чехію, и охраненіе Венгріи отъ Турокъ потребовало всѣхъ силъ обоихъ соединившихся народовъ. Чехія сдѣлалась только какъ бы запаснымъ складомъ, откуда почерпались деньги и люди на защиту Венгріи. Вместе съ тѣмъ, идея союза

(*) Въ 1490 году.

съ Польшею во имя Славянской народности, идея, которую завѣщаль Чехамъ ихъ величайшій государственный человекъ, Подѣбрадъ, уступила мѣсто союзу Дунайскихъ народовъ, соединенію чисто политическому, основанному на однихъ вѣнскихъ интересахъ въ которомъ Чехія жертвовала больше, нежели сколько она получала. Притянувъ Чехію къ себѣ, Венгрія, такъ сказать, приковала ее къ своему тогдашнему жизненному дѣлу, къ борьбѣ съ Турками. Политическій центръ тяжести перешелъ для Чехіи на Дунай, въ столицу не-Славянскаго народа; политическою задачею, на которую Чешскій народъ долженъ былъ тратить свои силы, сдѣлалась нескончаемая война, ему посторонняя уже по самому его положенію, чуждая его государственнымъ потребностямъ. Чехія вступала въ *Австрійскій* періодъ своей исторіи, хотя еще не принадлежала къ Австріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благородная идея защиты христіанства отъ пелама имѣла тутъ важное вліяніе. Но едва ли она объясняетъ образъ дѣйствія Чеховъ при Владиславѣ и его сынѣ Людовикѣ Ягеллончикѣ. Личной воли самого короля нельзя при этомъ брать въ расчетъ. Конечно, честолюбію Владислава льстила блестящая корона Венгерская и, принявъ эту корону, онъ принялъ на себя и обязанность защищать ее. Но обязанность эта не касалась Чехіи: король не смѣлъ располагать ея силами безъ согласія сейма. На престолѣ Чешскомъ даже могущественныя лично

сти, какъ Карлъ IV и Юрій Подѣбрадскій, далеко не были самовластны; а при безхарактерномъ Владиславѣ королевская воля почти ничего не значила и правленіе было на дѣлѣ предоставлено сейму Чешскихъ сословій и тѣмъ знатнымъ «панамъ», которые занимали высшія государственныя должности; при сынѣ же Владиславовомъ, Людовикѣ, по случаю его малолѣтства, дѣла Чехіи остались совершенно на попеченіи этихъ пановъ и сейма. Какимъ же образомъ Чешскій сеймъ и паны-правители такъ легко согласились отдать свою родную въ кабалу Венгріи? Трудно допустить, чтобы они могли простереть христіанское безкорыстіе до такого samozабвенія и, для защиты чужой земли отъ мусульманъ, лишитъ свое отечество самостоятельной политической роли, жертвовать всѣми его войсками, всей его казной. Не забудемъ при томъ, что самой Чехіи отъ Турокъ не угрожала близкая опасность: никогда Турецкая нога не ступила на земли Чешской короны; не забудемъ и того, что большинство Чеховъ были Гуситы, а Венгры — католики, которые столько разъ выказывали противъ Гуситовъ и Чеховъ вообще фанатическую ненависть и которымъ Чешскій народъ отплачивалъ такимъ озлобленіемъ, что почти всякій разъ, когда король являлся въ Прагу въ сопровожденіи какихъ нибудь Венгерцевъ, дѣло кончалось дракою и ихъ изгнаніемъ. И все таки, каждый годъ, сеймъ Чешскихъ сословій соглашался посылать новые и новые полки на Дунай,

гдѣ они храбро бились и обыкновенно погибали; огромные для того времени налоги, цѣлыя сотни тысячъ «грошей», безпрекословно налагались сѣймомъ на Чешскій народъ и пополняли истощенную казну Венгерскаго королевства.

Нѣтъ: не безкорыстное служеніе христіанству было существенно причиною такого самопожертвованія, а напротивъ, весьма корыстный расчетъ Чешской аристократіи (*). Ей было выгодно от-

(*) Просимъ принимать здѣсь и вездѣ въ настоящемъ изслѣдованіи слово *аристократія* въ смыслѣ Нѣмецкаго *adel*, Французскаго *noblesse* и т. д. Въ Русскомъ языкѣ, какъ и въ пошатяхъ и историческихъ преданіяхъ Россіи нѣтъ дѣйствительно-соотвѣтствующаго выраженія. Слово *дворянство* было бы безсмыслицей въ изложеніи исторіи Западныхъ Славянъ, потому что на этомъ словѣ лежитъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно печать понятія о *дворѣ* государевомъ, о сословіи *служебнаго* государству, тогда какъ у Славянъ, принявшихъ начала Западной жизни, высшее сословіе заключало въ себѣ прямо противоположную идею *независимости* отъ государственной власти, стремленіе устроить ее и самому сдѣлаться государствомъ. Самымъ вѣрнымъ въ этомъ случаѣ было бы слово *шляхта*, свойственное одинаково Польшѣ и Чехіи; однако мы не рѣшаемся употреблять его въ изложеніи Чешской исторіи, потому что оно оставивъ въ насъ специально Польскимъ словомъ, не имѣетъ въ языкѣ нашемъ общаго права гражданства и потому въ особенности, что мы привыкли соединять съ нимъ отбѣнокъ Польскаго понятія о формальномъ демократическомъ равенствѣ лицъ этого сословія, понятія, не развившагося въ Чешской „шлехтѣ“. Поневоля приходится прибѣгать къ обще-европейскому слову *аристократія*, но съ тѣмъ, чтобы оно было понимаемо не въ томъ тѣсномъ значеніи, какое имѣла аристократія въ древнихъ республикахъ, а въ смыслѣ „благороднаго сословія“ Западной Европы, не исключавшаго въ своей

сутствие го сударя, занятаго исключительно дѣлами другой страны, ей было выгодно отсутствие самостоятельной полѣтической идеи въ Чехіи. Между королемъ, не могшимъ справиться съ одною Венгріей, и аристократіей Чешскою образовалась обоюднo подразумѣвавшаяся, а иногда высказываемая довольно ясно, сдѣлка: «мы, говорила аристократія, будемъ назначать тебѣ на сеймахъ сколько нужно денегъ и войска для Венгріи, а ты пасъ оставаяи распорядиться дома, какъ хотѣшь». И дѣйствительно, аристократія Чешская могла дѣлать, что хотѣла. Чехія въ это время обратилась въ нѣчто похожее на аристократическую республику съ номинальною властью короля; а Моравія, гдѣ высшая знать или сословіе иановъ имѣло большой перевѣсъ надъ низшею аристократіей или рыцарствомъ, устроилась на подобіе республики олигархической. Тамъ пятнадцать «панскихъ» родовъ организовались въ замкнутый кругъ и предоставили себѣ исключительное право занимать все высшія правительственныя и судебныя должности; они совершенно завладѣли земскимъ сеймомъ и, для того чтобы устранить всякое постороннее вліяніе, старались все болѣе и болѣе ослаблять государственную связь Моравіи съ Чехіей. — Въ обѣихъ странахъ эта эпоха ознаменовалась окончательнымъ

средѣ дѣленія на высшую знать (*nobility*, по Чешски *pany*, у Поляковъ и Венгровъ *magmaty*) и на простыхъ „свободныхъ людей“ (*gentry*, „рыцари“ или въ Чехіи и также въ древней Польшѣ, *владыки* и т. д.).

прикрѣпленіемъ къ землѣ, или, лучше сказать, по-рабощеніемъ простаго народа. Прошло съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ со времени пораженія демократической партіи Таборитовъ, и аристократія Чешская вполне упрочила свое владычество надъ массою народною: иго, которое она постепенно, въ разныхъ частныхъ случаяхъ и какъ злоупотребленіе, налагало на низшій классъ жителей, сдѣлалось повсемѣстнымъ и получило силу закона. Затѣмъ аристократіи оставалось еще подчинить себѣ городское сословіе. Она приступила къ этому немедленно и стала добиваться уничтоженія двухъ правъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывалось политическое значеніе и экономическое благосостояніе горожанъ въ Чехіи. То были: право участвовать въ сеймахъ какъ третье сословіе, и монополія пивоваренія и винокуренія. Исключить городское сословіе изъ сейма и овладѣть въ свою пользу этою монополіей сдѣлалось главною цѣлью всѣхъ усилій Чешской аристократіи въ послѣдніе годы XV-го и въ первую четверть XVI-го вѣка. Сильные многолюдствомъ своимъ, богатствомъ и промышленнымъ развитіемъ, города вооружились на защиту своихъ правъ; завязалась мелкая, но повсемѣстная и ожесточенная, междоусобная война, то утихавшая, то вспыхивавшая снова, — безотрадное и почти единственное содержаніе Чешской исторіи въ тѣ годы. Городское сословіе отстаивало большую часть своихъ правъ; но вообще эта междоусобная война еще хуже раз-

сгронла государство, уже такъ сильно пострадавшее отъ ударовъ «панской» конфедераціи противъ короля Юрія и явившихся ей на помощь вѣнскихъ враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще болѣе возросло значеніе и власть Чешской аристократіи, не столько даже отъ уступокъ, какими горожане принуждены были купить свое спокойствіе, сколько отъ общаго безпорядка и замѣшательства, среди котораго паны и рыцари могли расширять на просторѣ свои права и вольности.

IX.

Окинемъ теперь взглядомъ государственное развитіе Чехіи до второй четверти XVI-го вѣка. Въ началѣ она, мы знаемъ, поневолѣ приняла общественныя стихіи и систему государственной организаціи отъ средневѣковой феодальной Германіи. И когда она возстала противъ Нѣмецкой народности и духовнаго ига Запада, то все-таки не могла выйти изъ круга его общественныхъ и государственныхъ началъ: принципъ сословный и аристократическій не могъ быть поколебленъ въ Чехіи. Послѣ короткаго перерыва во время революціоннаго пыла и разгара борьбы съ Западною Европой, аристократія вмѣстѣ съ мѣщанствомъ возвратились къ прежней исключительности и заглушили демократическія попытки Таборитовъ; въ этихъ классахъ опять сосредоточилась, на подобіе Запада, вся общественная и политическая жизнь Чешскаго народа. Государственный порядокъ возстановился на прежнихъ основахъ, но благодаря развившемуся во время революціи сознанию общественныхъ интересовъ, государ-

ство Чешское опередило въ своей организаціи всѣ тогдашнія Западныя страны. Чехія при Юріи Подѣбрадскомъ сдѣлалась образцомъ современныхъ ей конституціонныхъ монархій Западно-Европейскихъ и главною представительницею овладѣвавшей міромъ идеи полноправности государства въ противность отжившей средневѣковой бюрократіи. Все, повидимому, предвѣщало Чехіи блестящее государственное развитіе; можно было ожидать, что Чехія, ставъ впередъ всѣхъ современныхъ государствъ Запада, пойдетъ равнымъ съ ними шагомъ, съ одной стороны усиливая власть правительственную, которая въ ту пору повсемѣстно возрастала, а съ другой стороны, смягчая, по примѣру остальной Западной Европы, исключительность сословныхъ привилегій расширеніемъ гражданскихъ правъ народа. Но тотъ историческій моментъ, который на Западѣ послужилъ исходною точкою дальнѣйшаго громаднаго развитія, по справедливости называемаго «новою» эрою въ сравненіи съ прежнею жизнію человечества, этотъ самый историческій моментъ оказался въ Чехіи крайнимъ предѣломъ постуательнаго движенія. Отъ него она вдругъ повернула назадъ, къ среднимъ вѣкамъ. Аристократія вырвалась изъ круга, ей принадлежавшаго въ Чешской, какъ и въ другихъ средневѣковыхъ конституціонныхъ монархіяхъ, вооружилась противъ государственнаго начала, заключила союзъ съ послѣднимъ въ Европѣ защитникомъ средневѣковыхъ бюрократическихъ притязаній, стала подъ покровительство иностраннаго

завоевателя и, низвергнувъ Чехію въ политическое ничтожество, упрочила въ ней свое полное владычество. И съ тѣхъ поръ, какая перемѣна во всемъ! При Юріи Подѣбрадскомъ мы называли Чехію передовою представительницею тѣхъ политическихъ идей, къ которымъ стремился весь Западный міръ, она была современнымъ идеаломъ государствъ; а 10 или 20 лѣтъ спустя, что дѣлаетъ Чехія? Порабощаетъ простой народъ, тогда какъ Западъ кладетъ начало его освобожденію; подавляетъ города, когда Западъ всеми мѣрами способствуетъ ихъ развитію; доводитъ правительственную власть до ничтожества, когда Западъ вооружаетъ ее громадными силами; учреждаетъ родъ аристократической республики, когда Западъ на развалинахъ феодальной вольницы воздвигаетъ абсолютныя монархіи. Не отрѣшаясь отъ общественныхъ началъ Запада, оставаясь въ кругѣ его жизни, Чехія пошла прямо въ разрѣзъ общему ходу его развитія. Западный міръ долженъ былъ раздавить ее.

Никакая внѣшняя сила не ставила ее на этотъ путь. Мы видимъ тутъ внутреннюю, постепенную, неудержимую работу аристократическаго начала. Польша представитъ намъ поразительное сходство съ этимъ явленіемъ, которое мы встрѣтимъ и въ древней Сербіи, и мы не будемъ, при такомъ совпаденіи, въ правѣ назвать его случайнымъ. Чуждый аристократическаго принципа въ первоначальную, чисто - Славянскую эпоху своей

исторіи, Чешскій народъ, воспринявъ его отъ Германіи, не могъ, какъ народы Германскіе, родившіеся, такъ сказать, съ этимъ принципомъ, найти ему въ своемъ организмѣ законнаго отправления и уравниваться его съ другими общественными силами. Пока аристократическое начало могло жить и развиваться совместно съ началомъ государственнымъ, Чехія росла, не отставая отъ Западныхъ странъ и даже опережая ихъ. Но наступила минута, когда государство, не уживаясь долѣе съ понятіями аристократіи, должно было вступить съ нею въ борьбу, и тогда-то на Западѣ силы народныя выручили государство: оно сломило аристократію или смирило ея произволь; а у Чеховъ мы видѣли противное. Потому ли, что народный организмъ Славянскій по природѣ своей былъ слишкомъ мягокъ и податливъ для того, чтобы выдержать на себѣ, не поддаваясь ей, прививку такой властолюбивой стихіи, какова аристократія, или потому, что самой прививкѣ должно было предшествовать ослабленіе и разстройство въ народномъ организмѣ Славянскомъ, или наконецъ по обѣимъ причинамъ вмѣстѣ, — во всякомъ случаѣ не нашлось въ Чешской землѣ никакого противодѣйствія аристократіи, никакихъ силъ, на которыя государство въ состояніи было бы опереться, и аристократія, одержавъ верхъ надъ государствомъ, могла съ тѣхъ поръ развиваться тамъ до крайностей, невиданныхъ на Западѣ: ибо она одна продолжала развиваться, а все прочее чахло

и замирало. Какъ чужеядное растеніе на организмѣ Славянскаго племени, аристократія втянула въ себя всѣ его жизненные соки; доведя народъ до омертвѣнія, она сама хотѣла вмѣстить въ себѣ полноту народной жизни; разбивъ государство, она сама хотѣла заключить государство въ своемъ словіи.

Пока Чехія приближалась такимъ образомъ къ осуществленію того порядка вещей, который еще полнѣе увидимъ мы въ Польшѣ; пока аристократія Чешская воевала съ городскимъ сословіемъ, чтобы низложить эту послѣднюю преграду своему полновластію и Чешская земля возвращалась къ идеямъ средневѣковой аристократической вольницы, — Западный міръ измѣнялся подъ вліяніемъ новаго духа. Мы назвали папу Павла II, того самого, который благословлялъ Чешскихъ «пановъ» на борьбу съ государственнымъ началомъ, — послѣднимъ представителемъ средневѣковой бюрократіи. При его преемникахъ, папскій престолъ отказался отъ проиграннаго дѣла. Вмѣсто того, чтобы быть верховнымъ властителемъ владыкъ земныхъ, папа рѣшился сдѣлаться ихъ помощникомъ; вмѣсто прежней борьбы съ началомъ государственнымъ, церковь католическая стала подъ покровительство государственнаго начала, и за содѣйствіе которое она оказывала монархамъ къ достиженію абсолютизма, получала отъ нихъ въ воздаяніе матеріальныя средства для обезпеченія своего господства надъ умами ихъ подданныхъ. Къ такому союзу,

во всей безусловной полнотѣ его примѣненія, прильпились Габсбурги, соединившіе въ ту пору подъ своимъ правленіемъ громадную массу земель Испанской короны съ наследственными землями Австрійскими, которыя приносили съ собою также императорскій престоль Германіи. Габсбурги сдѣлались главными въ Европѣ представителями католицизма и абсолютной монархіи.

И въ это время случилось, что король Чешскій, молодой Людовикъ Ягеллончикъ, погибъ въ Венгріи, въ битвѣ съ Турками, не оставивъ наследника; и выборные, назначенные отъ трехъ сословій Чешскаго сейма для избранія новаго короля, отдали престоль Чешскій Габсбургу, Фердинанду эрцгерцогу Австрійскому, брату всемогущаго короля Испанскаго и императора Карла V.

Насъ озадачиваетъ такой выборъ. Какимъ образомъ Чехи, по большей части Гуситы и всѣ проникнутые духомъ сословной вольности, могли отдать себя добровольно подъ власть Габсбурга, величайшаго, послѣ его роднаго брата, поборника католической церкви и государственнаго начала, доводи маго до крайности абсолютизма?

Много частныхъ причинъ соединилось, чтобы рѣшить этотъ выборъ. Во первыхъ, Фердинандъ, по праву женскаго престолонаслѣдія и стариннаго, заключеннаго еще въ 1364 году, но не исполнявшагося прежде (*) договора между Чеш-

(*) На пр. при избраніи Юрія Подѣбрадскаго послѣ смерти Ладислава и при назначеніи Владислава королемъ Польскаго наследникомъ Юрія.

скимъ (Люксембургскимъ) и Австрійскимъ домами, былъ ближайшій кандидатъ на Чешскій престолъ, и хотя престолъ этотъ былъ избирательный, однако Чехи, при выборѣ, обыкновенно принимали въ соображеніе и наследственное право. Во вторыхъ, они привыкли и въ прежнее время видѣть у себя на престолѣ Австрійцевъ (именно, въ первой половинѣ XV вѣка, Альбрехтъ и сынъ его Ладиславъ, изъ которыхъ послѣдній былъ очень любимъ); мысль о союзѣ съ Дунайскими землями укрѣпилась у нихъ въ царствованіе Владислава и Людовика, королей Чешскихъ и Венгерскихъ, и привела въ забвеніе болѣе естественный союзъ съ Польшею: вѣроятно они надѣялись (и не совсѣмъ напрасно), что и Венгрія возьметъ себѣ въ государи того же Фердинанда. Притомъ не было другаго, достаточно обращающаго на себя вниманіе, претедента изъ иностранныхъ принцевъ, а посадить на престолъ своего брата—Чеха, не рѣшалась завистливая аристократія; наконецъ, Фердинандъ осыпалъ Чеховъ обѣщаніями покровительства ихъ правамъ и вольностямъ, и они, быть можетъ, ему и повѣрили. Казалось бы, все эти второстепенныя соображенія не довольно сильны, чтобы побудить Чеховъ положить на самихъ себя руку, призваніемъ на свой престолъ жесточайшаго противника всего, что было Чеху дорого и свято, противника, вооруженнаго къ тому же огромною, отъ нихъ независѣвшею, матеріальною силою. Во всякомъ случаѣ, выборъ Фердинанда является однимъ изъ

поразительнѣйшихъ примѣровъ того политическаго неразумія, которымъ, можно сказать, сама судьба преслѣдовала владычество аристократіи въ Славянскихъ земляхъ, какъ будто бы въ кару за ея измѣну началамъ народной жизни (*).

Войдя, съ воцареніемъ Фердинанда, въ составъ огромнаго сбора Габсбургскихъ земель, Чехія, разумѣется, утратила послѣдній остатокъ своего самостоятельнаго значенія въ политическихъ дѣлахъ Европы. Роль ея ограничилась умноженіемъ войскъ и денегъ, которыми располагала Габсбургская династія. Оставалось только уничтожить права и вольности Чешскихъ сословій, выместить изъ круга Западныхъ странъ (**)

(*) Аристократія Венгерская показала въ этомъ отношеніи гораздо болѣе политической провидательности. Тамъ только одна небольшая партія прельстилась наслѣдственными правами и обещаніями Фердинанда, и разными неправдами провозгласила его королемъ; большинство же отвергло его и выбрало природнаго Мадьяра, Седмиградскаго князя Заполью. Къ несчастію для Венгріи, дѣло Запольи было потомъ проиграно, вслѣдствіе неестественнаго союза, который онъ принужденъ былъ заключить съ Турками для противодѣйствія Фердинанду.

(**) Въ то время Венгрія и Польша (послѣдняя вслѣдствіе своего соединенія съ Литвою) принадлежали гораздо болѣе къ міру Восточно-Европейскому, нежели къ Западному; въ этомъ смыслѣ мы называемъ Чехію послѣднею среди Западныхъ странъ представительницею средневѣковыхъ началъ. Хотя тѣ же почти начала общественнаго господствовали, болѣе или менѣе, въ Польшѣ и Венгріи, однако, какъ страны эти не входили тогда, подобно Чехіи, въ общій кругъ Западно-Европейской жизни и стояли какъ бы особнякомъ, то онѣ не являлись тамъ такою аномаліей и помѣхой для Западнаго міра, какъ въ Чехіи.

вѣковыхъ конституцій и покорить Чеховъ государственному началу ново-европейскому, какъ его понимали Габсбурги. Борьба длилась безъ малаго столѣтіе.

Непримиримое противорѣчіе между Фердинандомъ и Чешскими сословіями въ понятіяхъ о государствѣ и государственной власти обозначилось съ перваго дня. Высшая знать и рыцарство тотчасъ сблизилась съ горожанами, которыхъ такъ недавно еще пытались исключить изъ земскаго сейма; всѣ три сословія стали опять за одно, съ тѣхъ поръ какъ нужно было спасать вообще старую сословную организацію, одинаково дорогую и аристократіи и горожанамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе прежняго возросла въ Чехіи нравственная сила аристократіи и особенно «пановъ», какъ передоваго, богатѣйшаго, вліятельнѣйшаго сословія: ибо дѣло аристократіи и ея сословныхъ интересовъ слилось съ общимъ земскимъ дѣломъ, съ защитою внутренней автономіи земли Чешской; аристократія сдѣлалась представительницею Чешской независимости, Чешской народности. — Мы знаемъ, что вездѣ главною союзницею и главнымъ орудіемъ Габсбурговъ была католическая церковь. Тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, должно было связаться дѣло Габсбурговъ съ дѣломъ католицизма въ отношеніи къ Чехамъ, которые съ духомъ непокорности государственному началу соединяли всѣ отгѣнки ереси религиозной, отъ секты *Братій*, радикально противоположной всѣмъ основамъ Рим-

ской церкви, до близкаго къ ней, но все-таки ей враждебнаго ученія Чашниковъ. Борьба политическая должна была неминуемо захватить и область религіозную. Габсбурги, въ своихъ усиліяхъ подвести Чехію подъ уровень Испано-Австрійскаго абсолютизма, являлись поборниками единоспасающей церкви противъ безбожныхъ еретиковъ (а можетъ быть, и дѣйствительно вѣрили въ такое призваніе: кто разгадаетъ душу какого нибудь Фердинанда I или того Фердинанда II, передъ которымъ первый былъ еще идеаломъ вѣротерпимости?). По тому самому оппозиція Чеховъ государственному началу Габсбургскому сливалась съ противоборствомъ католицизму. Но въ этомъ противоборствѣ, источникъ котораго не былъ уже религіозный, а политическій, Чехи не могли выступить во имя какой нибудь опредѣленной, самостоятельной религіозной идеи, какъ сто лѣтъ тому назадъ, во время Гуситскихъ войнъ; да и не было у нихъ опредѣленной религіозной идеи, съ тѣхъ поръ какъ Гуситство потеряло свое значеніе и протестантскій раціонализмъ Лютера и Кальвина сталъ замѣнять мысль Гусову о вѣзсозданіи первобытной вселенской церкви (*). Но и не исповѣданье Аугсбургское или Гельветическое, какъ опредѣленная религіозная система, могло быть противопоставляемо Чехами католицизму,

(*) Этотъ переходъ мы уже выше старались объяснить.

сдѣлавшемуся политическимъ орудіемъ Габсбургова, а самая основа Аугсбургскаго и Гельветическаго исповѣданій, свобода религіознаго сужденія, свобода совѣсти. Свобода совѣсти была принципъ, логически противоположный той идеѣ, на которой основывалась Габсбургская политика въ отношенія религіозномъ, т. е. предетавленію о католицизмѣ, какъ о единоспасительномъ, а потому самому *обязательно* исповѣданіи. Свобода совѣсти сдѣлалась знаменемъ Чеховъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, составилъ тамъ союзъ старой, средневѣковой, отживавшей въ Европѣ, идеи аристократической, — привилегированной такъ сказать, вольности, — съ новою, начинавшею являться въ мірѣ, идеею духовной свободы. Сыновья и внуки тѣхъ самыхъ «цановъ,» которые сражались противъ Юрія Подѣбрадскаго за католицизмъ и права евократіи, стали теперь ревностнѣйшими борцами за вѣротерпимость: переходъ совершился не силою внутреннаго, если можно такъ выразиться, развитія убѣжденій, а перестановкою интересовъ аристократіи, какъ сословія. И если не этимъ людямъ дано было провести въ мірѣ великое начало духовной свободы, то по крайней мѣрѣ они пали подъ честнымъ знаменемъ. Борьба съ Габсбургскою династіей и ея принципами соединила подъ знаменемъ Чешской аристократіи всѣ благородныя и возвышенныя стремленія: любовь къ родинѣ, преданность ея правамъ и независимости,

служеніе христіанской идеѣ свободы духа и нераздѣльная съ этой идеѣ ревность къ наукѣ и просвѣщенію, — вотъ что олицетворила въ себѣ аристократія Чешская въ XVI и началѣ XVII вѣка, выступивъ въ бой съ бездушнѣй тиранией, съ іезуитскимъ фарисействомъ Габсбурговъ, съ духовнымъ рабствомъ и мракомъ, на которыхъ они основывали свою власть. И хотя аристократія Чешская, по самому историческому приципу своему, посила въ себѣ начала смерти, какъ для себя самой, такъ и для страны, которой сдѣлалась представительницею, хотя она, какъ мы увидимъ, сама, внутреннимъ своимъ разложеніемъ, доставила торжество Габсбургамъ, — тѣмъ не менѣе высокъ остается ея подвигъ въ этой борьбѣ. Сама по себѣ, какъ слово, какъ порожденіе чуждыхъ и разрушительныхъ для Славянской страны общественныхъ началъ. Чешская аристократія была чѣмъ-то преступнымъ предъ народнымъ духомъ; съ этой отвлеченной точки зрѣнія гибель ея должна быть признана исторически необходимою и, въ такомъ смыслѣ, можно считать эту гибель справедливою. Но въ житейской дѣйствительности, не какъ отвлеченность, а какъ живое общество людей, движущихся въ борьбѣ страстей и убѣжденій, она была права; она защищала дѣло чистое и святое; и кровавое паденіе ея напоминаетъ тѣ древнія трагедіи, въ которыхъ чистая и святая личность человѣческая гибнетъ за роковую вину, ему самому невѣдомую.

Пока исторія останется не безучастною къ добру и злу, она съ сочувствіемъ и сердечною болью разсказывать будетъ о тогдашнихъ Чешскихъ дѣятеляхъ, объ этихъ страдальцахъ за права родной земли и свободы совѣсти, каковы были Рабштейнъ, Костка изъ Поступицъ, Вратъ и Аугуста, каковы были Будова, Гарантъ Полчицкій, Есенскій, Шликъ, Червинъ и прочіе 47 мучениковъ Пражскихъ, каковы были Благославъ, Жеротинъ и Коменскій.... Но мы здѣсь не разсказываемъ частности историческихъ событій; наша задача — стараться выкинуть въ ихъ отвлеченный смыслъ и логическую послѣдовательность, и поэтому мы должны сосредоточить наше вниманіе не на тѣхъ благородныхъ личностяхъ, не на тѣхъ высокихъ подвигахъ, которые украшаютъ послѣднія страницы Чешской исторіи, а напротивъ, на томъ, что сдѣлало эти личности безсильными, эти подвиги безплодными.

Что вначалѣ всего болѣе обезпечило Габсбургское правительство въ отношеніи Чеховъ и приготовило Испано-Австрійской полптивкѣ первую надъ ними побѣду, — было внутреннее противорѣчіе идей, руководившихъ Чехами въ ихъ борьбѣ за свою автономію. Съ одной стороны, они, какъ мы видѣли, воплощали въ себѣ передовую идею вѣка, идею религиозной свободы, начало въ ту эпоху еще новое и являвшееся чѣмъ-то революціоннымъ. Но съ другой стороны, они были безусловными консерваторами: ибо ратовали противъ новаго, нивели-

рующего начала государственнаго, за сохраненіе «стародавнихъ, утвержденныхъ присягами и договорами, правъ, привилегій и вольностей королевства Чешскаго и маркграфства Моравскаго». И въ этомъ опять-таки какой переходъ въ идеяхъ отъ исторической перестановки интересовъ: преемники Гуситской революціи сдѣлались представителями начала давности, легитимности! Святыней, которую они отстаиваютъ, стала буква той или другой старой грамоты; въ которой написаны, утвержденныя прежними королями, привилегіи Чешскихъ сословій. Фердинандъ Габсбургскій распорядился довольно просто: онъ позаботился о томъ, чтобы зданіе, гдѣ хранились государственные акты Чехіи, сгорѣло (*); и этотъ пожаръ, въ самомъ дѣлѣ, значительно ослабилъ Чешскія сословія въ ихъ постоянной тяжбѣ съ королевскою властію, лишивъ ихъ подлинниковъ большей части тѣхъ документовъ, на которыхъ они основывали свои права.

Принципъ легитимности, служившій Чехамъ опорою былъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ ихъ безсилія. Въ виду властелина, который, подъ покровомъ идеи абсолютной полноправности монарха и безусловной обязательности католической вѣры для спасенія душъ человѣческихъ, не признавалъ за-

(*) Этотъ историческій пожаръ въ Прагѣ произошелъ въ 1541 году. По всѣмъ сохранившимся извѣстіямъ, можно полагать почти съ полною достовѣрностію, что онъ былъ слѣдствіемъ поджога со стороны одного изъ клеветовъ Габсбургскаго дома.

коннымъ ничего противорѣчившаго этимъ идеямъ и ничѣмъ не стѣснялся, — Чехи ссылались на писанное право, и дальше не могли итти: ибо принципъ легитимности не позволялъ посягнуть на власть законнаго государя. Чешскіе сеймы протестовали; Габсбурги дѣйствовали. И когда дѣйствія короля, становясь все болѣе и болѣе противозаконными, наконецъ доводили сеймъ до крайности и нужно было или вовсе отказаться отъ старыхъ правъ, или принять положительныя мѣры сопротивленія, то распоряженія сейма отзывались постояннымъ колебаніемъ и противорѣчіемъ: онъ все-таки не рѣшался на явное возмущеніе, а своими поступками, уже выходившими изъ предѣловъ строгой законности, только давалъ королю желанный случай къ возмездію. Таковъ характеръ столь важныхъ для судьбы Чехіи событій 1547 года. Именно, король для содѣйствія своему брату императору Карлу V, въ его походѣ противъ главы Нѣмецкихъ протестантовъ, Саксонскаго курфирста Іоанна Фридриха, — король Фердинандъ своею властію, не спрашивая сейма, приказалъ набрать въ Чехіи войско. Чины (*) Чешскіе протестовали противъ такого неслыханнаго у нихъ распоряженія, король не уступалъ и сталъ брать Чеховъ подъ свои знамена.

(*) Подъ именемъ *чиновъ* мы разумѣемъ совокупность трехъ сословій (паповъ, рыцарей и горожанъ), завладѣвшихъ въ себѣ законодательную власть въ Чехіи, то что по Чешски называлось *Stavové*, по Нѣмецки *Ständ* и

Чешскій сеймъ съ своей стороны созвалъ земскую рать для защиты отечества, избралъ полководца, назначилъ временныхъ правителей; но какъ бы пугаясь каждаго своего шага, Чехи дальше не пошли. Оно держали земскую рать на границѣ, зрительницею происходившей въ сосѣдней Саксоніи войны; съ Фердинандомъ продолжалась безконечная переписка, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Фердинандъ извѣстилъ Чешскіе чины, что дѣло кончено: курфирстъ Саксонскій былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ подъ Мюльбергомъ. Что оставалось дѣлать? Чехи послали поздравить своего короля съ побѣдою и, чтобы устранить самое явное свидѣтельство своей непокорности, распустили земскую рать. Фердинандъ съ своею арміею вступилъ въ Чехію; паны и рыцари поспѣшили къ нему съ повинною; Прага хотѣла было обороняться, но оставленные другими сословіями, горожане должны были тоже покориться. Фердинандъ занялъ столицу Нѣмецкими войсками. Простой народъ два раза вооружался и принимался бить и выгонять ихъ; но уже Чехія была не та, какъ въ то время, когда Жижка съ простымъ народомъ, поддержанный горожанами, вырвалъ Прагу изъ рукъ стотысячнаго войска Сигизмундова. Въ этотъ разъ, горожане и паны приняли подъ свою защиту Нѣмецкій гарнизонъ и усмирли народный мятежъ. Когда наконецъ Фердинандъ стянулъ къ Прагѣ всю свою армію, онъ открылъ сеймъ, который

Чехи, отъ казней, его ознаменовавшихъ, прозвали «кровавымъ». Послѣ казни четырехъ лицъ, Фердинандъ заставилъ Чешскія сословія отказаться отъ важнѣйшей основы ихъ вольностей, отъ того права, которое давало Чехин при Ягеллонахъ характеръ аристократической республики, отъ права составлять сеймъ и постановлять на немъ рѣшенія безъ королевскаго соизволенія. Затѣмъ онъ приступилъ къ наказанію отдѣльныхъ сословій. Наименѣе пострадали «паны»: за исключеніемъ немногихъ лицъ, наиболѣе компрометированныхъ и наказанныхъ конфискаціями, король пощадилъ ихъ сословіе совершенно; нѣсколько строже побаралъ онъ рыцарей, но страшно досталось городскому сословію, значеніе котораго въ общественныхъ дѣлахъ было почти уничтожено новыми постановленіями. Водворить въ Чехіи исключительное господство католицизма показалось королю еще несвоевременнымъ; но онъ приступилъ къ этому дѣлу изгнаніемъ всѣхъ членовъ секты *Братій* и тѣмъ, что, кромѣ католической, признана была терпимою въ Чехіи только церковь Гуситовъ-Чашниковъ, унія которой съ Римомъ была потому осуществлена Фердинандомъ (*).

(*) Побѣда Фердинанда повлекла за собою также, между прочимъ, установленіе въ Чехіи цензуры. Вотъ что говоритъ объ этомъ Пельдель (*Geschichte von Böhmen* 1782 ч. II, стр. 617): „Пражскій соборный капитулъ сдѣлалъ въ 1547 г. Фердинанду представленіе, что въ Чехіи печатаются въ разныхъ мѣстахъ еретическія кни-

Х

Послѣ «кроваваго сейма» 1547 г., встаетъ новый и послѣдній фазисъ въ исторіи Чешскаго го-

ти, а также ввозятся туда изъ другихъ странъ и свободно распространяются въ народѣ; по этому случаю Капитулъ просилъ короля назначить особыхъ досмотрщиковъ, безъ вѣдома и одобренія которыхъ никакая книга не должна была печататься въ королевствѣ или туда ввозиться. Король исполнилъ это желаніе и ввелъ въ Чехію цензуру. Съ тѣхъ поръ мало и печаталось въ Чехіи, кромѣ Латинскихъ стихотвореній, книгъ о космографіи, сборниковъ городскихъ законовъ и т. п. Только послѣ смерти Фердинанда, цензура утратила свою силу, которая за то сдѣлалась еще страшнѣе съ 1620 года. Бальбинъ (Чешскій писатель XVII вѣка, членъ ордена іезуитовъ) принужденъ былъ семь разъ подвергнуть цензурѣ свою „Eritome“. А въ наше время строгость возросла до такой степени, что никакая книга, хотя бы разсуждала о каменномъ углѣ или объ искусствѣ ковать лошадей, не могла быть ввезена изъ за границы и продаваема, не пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурѣ. Самая лучшая книга запрещалась изъ за одного какого-нибудь мѣста, не понравившагося книжному суду. Рукописи должны были доставляться въ цензуру въ двухъ экземплярахъ, печатныя книги переплетенными. Строгость цензуры и затрудненія доставать ученые пособія удерживали ученыхъ отъ продолженія своихъ занятій, и музы готовились уступить мѣсто варварству, если бы монархъ Іосифъ II не призвалъ ихъ обратно своимъ мудрымъ распоряженіемъ.“

сударства. До сихъ поръ мы видѣли борьбу аристократіи съ началами, ее стѣснявшими. Сперва она низвергаетъ туземную государственную власть, потомъ подчиняетъ простой народъ своему неограниченному господству и затѣмъ обращаетъ свои усилія противъ городского сословія. Попадши, по собственной винѣ своей, подъ державу Габсбургскаго дома, она возобновляетъ союзъ съ горожанами и заодно съ ними борется за сословныя права и свободу совѣсти. Она побѣждена. Побѣдитель Фердинандъ, какъ мы видѣли, довольно умѣренно воспользовался изложеніемъ Чеховъ, потому, вѣроятно, что при порывѣ энтузіазма, какой увлекалъ тогда Европейскіе народы къ протестантизму, онъ былъ слишкомъ доволенъ неожиданнымъ торжествомъ въ Саксоніи и боялся возбудить новую—бурю мѣрами, черезъ-чуръ крутыми. Какъ бы то ни было, Фердинандъ I, который могъ, на «кровавомъ» сеймѣ 1547 года, сдѣлать то, что сдѣлалъ Фердинандъ II, среди потоковъ кровн, на «похоронномъ» сеймѣ 1627 г. (*), окончательно разрушить и уничтожить Чешское государство, — Фердинандъ I не рѣшился на это. Онъ предоставилъ дѣло своимъ преемникамъ, или, вѣрнѣе сказать, самой силѣ вещей. Онъ сохранилъ за Чехіею ея внутреннюю автономію, съ отнятіемъ лишь тѣхъ правъ, которыя несомнѣтельны

(*) На этомъ сеймѣ похоронены были всѣ политическія и религіозныя права и вольности Чешской земли.

были съ монархическимъ порядкомъ, даже конституціоннымъ. Низложивъ городское сословіе и пощадивъ аристократію, Фердинандъ I тѣмъ самымъ возвысилъ послѣднюю до полного почти преобладанія на сеймѣ, оставилъ въ ея рукахъ все земское управленіе. Такимъ образомъ, Чешская аристократія достигла, хотя подъ строгимъ надзоромъ короля-Габсбурга и по его милости, того, чего добивалась она столько времени: исключительнаго господства въ Чешскомъ обществѣ. Трудно сказать, руководилъ ли Фердинандомъ безсознательный инстинктъ политическій, или обдуманый планъ; но во всякомъ случаѣ, его расчетъ былъ вѣренъ, когда онъ, неравномѣрно распредѣляя между Чешскими сословіями свои удары, всю тяжесть ихъ обрушилъ на города. По самому своему характеру, городское сословіе могло бы, какъ *tiers-état* на Западѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, протянуть къ себѣ народныя силы, и сдѣлалось бы тогда соперникомъ, слишкомъ опаснымъ для Габсбургскаго абсолютизма. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Габсбургамъ суждено было извѣдать это въ Голландіи. Привлечь къ себѣ городское сословіе, увлечь его придворною жизнію, связать его съ интересами династіи было, во всякомъ случаѣ, несравненно труднѣе, чѣмъ аристократію, особенно высшую, которой именно, какъ намъ извѣстно, Фердинандъ оказалъ особенную снисходительность.

И тутъ-то начинается, повторяемъ, новый и по-

слѣдній фазисъ въ ходѣ Чешской исторіи. Въ самой аристократіи образуется раздвоеніе, борьба переходитъ въ ея собственную среду, она своими руками отдастъ себя и Чешскую землю на жертву Габсбургамъ.

Внутреннее раздвоеніе въ аристократіи сдѣлалось историческою необходимостью съ того дня, какъ она перестала встрѣчать соперничество въ другихъ сферахъ общественныхъ. Весьма естественно, что сословіе, заключающее въ себѣ идею прирожденнаго превосходства и преобладанія надъ остальными слоями народа, будетъ стоять болѣе или менѣе за-одно, пока имѣетъ дѣло съ общественными силами, ему противорѣчащими. Но отнимите это противорѣчіе, какъ сдѣлалъ Фердинандъ I въ Чехіи, низвергнувъ городское сословіе и оставивъ все внутреннее самоуправленіе страны въ рукахъ аристократіи,—п вы увидите, что присущая ей идея превосходства и преобладанія начнетъ свою работу въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Изъ среды аристократіи выдѣляться будутъ *магнаты*; наступитъ борьба начала олигархическаго съ прежними общими интересами аристократическаго сословія; и при этомъ понятно, что магнаты, какъ люди наиболѣе богатые и наиболѣе нуждающіеся въ богатствахъ, наиболѣе высокіе и склонные искать почестей и важнѣйшихъ должностей государственныхъ, станутъ стремиться туда, гдѣ раздаются

должности, почести и богатства (*),—ко двору. Такъ случилось и въ Чехіи.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Фердинанда I-го, начинаетъ ясно обозначаться, среди аристократіи, партія придворныхъ вельможъ; и какъ, разумѣется, существенное условіе для сближенія съ Габсбургскимъ дворомъ есть преданность католицизму, то партію эту образуютъ тѣ изъ «пановъ» Чешскихъ, которые остались вѣрны Римскому исповѣданью или впоследствии возвратились къ нему. По собственному желанію этихъ «пановъ», Фердинандъ призвалъ въ Чехію іезуитовъ (**), и этимъ, такъ сказать, вложилъ душу въ придворно-католическую партію Чешскихъ магнатовъ.

(*) Надобно замѣтить, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, дворъ былъ обильнѣйшимъ источникомъ богатствъ, вслѣдствіе обычая раздавать вельможамъ огромныя помѣстья, которыми располагала корона, и потому что съ нѣкоторыми государственнымн должностями сопряжены были громадныя доходы.

(**) Это было въ 1556 г. Первоначально поселились въ Чехіи 12 членовъ ордена Лойолы, которымъ король отвелъ для жилья полуразрушенный во время Гуситскихъ войнъ монастырь св. Климента въ Прагѣ и назначилъ небольшое жалованье изъ казны. Черезъ 75 лѣтъ вся Чехія была рѣшительно въ рукахъ ордена, который владѣлъ такими богатствами, что когда Фердинандъ II предлагалъ іезуитамъ въ даръ новыя, конфискованныя у протестантовъ имѣнія, они отъ нѣкоторыхъ отказывались; на это Фердинандъ однажды возразилъ: "Accipite, patres! non semper habebitis Ferdinandos!", берите отцы! не всегда будутъ у васъ Фердинанды. См. статью священника (католическаго) Іосифа Эренбергера: о přátelském poměru měšťanstva k šlechtě od r. 1547—1620. Часописъ Чешскаго Музея, 1849 кв. 3-я.

Послѣ смерти Фердиванда настало какое-то затишье въ дѣятельности Габсбургскаго дома (мы говоримъ объ Австрійской, а не объ Испанской его вѣтви), благодаря личному характеру двухъ императоровъ, Максимилиана и Рудольфа (*), изъ которыхъ первый не хотѣлъ, а второй не умѣлъ проводить съ достаточною энергіею политическія и религіозныя начала своей династіи. Чехи пользовались такимъ покоемъ, какого не было въ ихъ землѣ со времени Карла IV (**), и внутреннею свободою въ томъ видѣ, въ какомъ она была имъ оставлена послѣ извѣстнаго намъ «кроваваго» сейма. Чехи называютъ это время золотымъ вѣкомъ своего просвѣщенія и своей литературы.

Мы не будемъ вдаваться въ вопросъ о томъ, была ли кротость и вѣротерпимость Максимилиана II слѣдствіемъ просвѣщенныхъ убѣжденій политическихъ, или благодушнаго характера, нерасположеннаго къ насилію. Во всякомъ случаѣ Максимилианъ, точно также черезъ двѣсти лѣтъ Іосифъ II, стоитъ какимъ-то одинокимъ, удивляющимъ исторію, исключеніемъ въ длинномъ ряду поколѣній своего дома, всѣхъ этихъ мрачныхъ Габсбурговъ, безжалостно преслѣдующихъ одну деспотическую цѣль. Казалось, судьба создала Максимилиана и вручила ему на 12 лѣтъ правленіе Австрійскими

(*) Максимилианъ II царствовалъ съ 1564 по 1576 годъ; Рудольфъ II съ 1576 по 1611.

(**) Карлъ IV умеръ въ 1378 г.

землями нарочно для того, чтобы показать, что и Габсбурги могли бы быть людьми съ человѣческимъ сердцемъ, что и они могли бы основывать свою власть на свободномъ развитіи народовъ. По желанію сейма Чешскаго, Максимилианъ, какъ было уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ, согласился на уничтоженіе такъ называемыхъ Базельскихъ компактатовъ, этого знаменитаго акта, которымъ въ старину Гуситы думали утвердить свое исповѣданье на христіанскомъ преданіи Западной церкви, съ исключеніемъ однако папской власти, и который сдѣлался орудіемъ въ рукахъ Рима и іезуитской пропаганды съ тѣхъ поръ, какъ папа, по настоянію Фердинанда (въ 1564 г.), освятилъ этотъ актъ своимъ авторитетомъ и привелъ такимъ образомъ Гуситскую церковь въ унию съ Римомъ. Съ уничтоженіемъ компактатовъ, униа эта, просуществовавъ только три года, рушилась сама собою, и Чехи, получившіе съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего государя полную свободу исповѣданья, слились съ Западными протестантами. Но какъ царствованіе Максимилиана осталось безъ слѣда въ преемственной политикѣ Габсбургской династіи, такъ точно и приобрѣтенная Чехами въ это царствованіе свобода нашла въ ихъ собственной средѣ враговъ, которые не дали ей упрочиться и помогли преемникамъ Максимилиана ее уничтожить. Олигархическая партія магнатовъ-католиковъ, руководимая іезуитами, тѣмъ рѣзче стала отдѣляться

отъ общей массы аристократіи, чѣмъ криче въ этой послѣдней укоренялась реформа Лютера и Кальвина. А какъ мы знаемъ, что аристократія Чешская, вмѣстѣ съ ненавистнымъ для іезуитовъ принципомъ свободы совѣсти, защищала древнія земскія права и вольности, что она, въ своей оппозиціи стремленіямъ Габсбургской политики, сдѣлалась представительницею Чешской автономіи и самой народности Чешской, то, удаляясь отъ своихъ прежнихъ собратій, магнаты становились съ тѣмъ вмѣстѣ въ антагонизмъ съ пользами этой народности, съ общественными правами и самостоятельностью своей родины. Они должны были сдѣлаться пособниками Габсбургскаго деспотизма не только для придворныхъ выгодъ, но, такъ сказать, безкорыстно, по внутреннему влеченію своихъ принциповъ, и это стремленіе Чешскихъ магнатовъ - католиковъ тѣмъ яснѣе обозначилось при императорѣ Максимилианѣ, что онъ самъ, лично, вовсе не требовалъ такого рода услуги. Любопытно и то, что поддерживали въ это время іезуитовъ и содѣйствовали ихъ распространенію въ Чехіи не одни только магнаты Римскаго исповѣданья, но и нѣкоторые вельможи протестанты, даже члены *братской* общины: потому ли, что іезуиты такъ хорошо умѣли притворятся предъ ними, или потому, что присущее этимъ вельможамъ стремленіе къ тиранніи олигархической встрѣчалось что-то родное въ іезуитахъ, этихъ вышнихъ

представителяхъ тираннiи, какихъ видѣло чело-
вѣство?

Водарился безхарактерный, странный, повиди-
мому полупомѣшанный, но безусловно преданный
исконнымъ идеямъ Габсбурговъ, императоръ Ру-
дольфъ. Придворно-іезуитская партiа магнатовъ
мало по малу замѣщала своими членами всѣ важ-
ныя государственныя должности, шагъ за шагомъ
завоевывала католицизму—сперва равносильное съ
протестантскимъ исповѣданіемъ значеніе въ обще-
ственныхъ дѣлахъ Чехiи (*), а затѣмъ и преиму-
щество предъ нимъ. Рудольфъ, на сколько умѣлъ,
покровительствовалъ этимъ усиліямъ. Еще болѣе
помогъ онъ имъ неумышленно тѣмъ, что перенесъ
въ Прагу свою столицу и свой дворъ, весь проник-
нутый духомъ и преданiями Испанскими, дворъ,
идеаломъ и руководителемъ котораго былъ Аран-
жуэсскій дворъ Флiппа II. Тридцатилѣтнее слиш-
комъ пребываніе въ Прагѣ императора, любившаго
окружать себя учеными, поэтами и художниками,
способствовало блестящему развитію Чешской жиз-
ни; но вліяніе двора страшно ускорило внутрен-

(*) Со времени объявленiя Максимилианомъ въротер-
цимости, протестантизмъ имѣлъ въ Чехiи огромный
перевѣсъ общественнаго вліянія, по самому числу сво-
ихъ послѣдователей, ибо на сто чело- протестантовъ
едва приходился тамъ одинъ католикъ. Протестантизмъ
казался въ то время въ Чехiи господствующею, а ка-
толицизмъ только терпимою религіей.

нее распадение Чешской аристократіи. Не одинъ представитель могущественнѣйшихъ «панскихъ» родовъ принялъ, для придворной карьеры, католицизмъ и сталъ сотрудникомъ или орудіемъ іезуитовъ: въ томъ числѣ Вильгельмъ Славата, сдѣлавшійся потомъ столь извѣстнымъ въ исторіи какъ товарищъ Мартиница (*) въ невольномъ полетѣ изъ окна Пражскаго дворца, въ этомъ роковомъ приключеніи, съ котораго началась Тридцатилѣтняя Война; въ томъ числѣ Карлъ изъ Лихтенштейна, богатѣйшій и знатнѣйшій вельможа въ Моравіи, будущій налачъ своего парода; въ томъ числѣ еще болѣе знаменитый палачъ, не только своего, но и другихъ народовъ, Альбрехтъ-Вячеславъ изъ Вальдштейна, котораго Нѣмцы привыкли называть Валленштейномъ (**). Въ продолженіе этихъ трид-

(*) Ярославъ изъ Мартиницъ былъ тоже одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ Чешской аристократіи и вмѣстѣ съ Славатою стоялъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, въ главѣ придворно-іезуитской партіи.

(**) Переходъ Славаты в Лихтенштейна въ католицизмъ относится къ первымъ годамъ царствованія Рудольфа; переходъ Валленштейна (который былъ гораздо моложе) къ концу этого царствованія. Валленштейнъ принадлежалъ къ высшей аристократіи Моравской и былъ близкій родственникъ Карла изъ Жеротина, члена секты *братій* и главы національной и протестантской партіи въ Моравіи; самъ будучи протестантомъ, онъ однако воспитывался въ коллегіи іезуитовъ въ Оломуцѣ. Замѣтимъ кстати, что имена, какъ Лихтенштейнъ, Вальдштейнъ и т. под., не должны быть принимаемы за признаки Нѣмецкаго происхожденія этихъ вельможъ:

цати лѣтъ большинство высшей аристократіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ церковь богатства и вліянія, перешли на сторону двора и иезуитствъ. Все смѣлѣе и дерзче становились придворные магнаты и ихъ наставники иезуиты, все рѣшительнѣе становились мѣры, которыя Рудольфъ, ими руководимый и подстрекаемый, принималъ для уничтоженія дарованной его отцомъ свободы совѣсти и старыхъ земскихъ правъ (*). Все глубже, рѣзче, непримиримѣе становилось, въ аристократіи Чешской, раздвоеніе между магнатами-католиками, которые составляли Габсбургскую и (что значило то же самое) иезуитскую партію, и протестантскимъ большинствомъ, которое, въ противоположность магнатамъ-католикамъ, можно назвать партією національною. На каждомъ шагу, при каждомъ, самомъ

напротивъ того, они были чистые Славяне. Нѣмецкія же имена произошли оттого, что когда Чешскіе и Моравскіе „даны“ начали строить себѣ (въ XIII и XIV вѣк.) замки, по примѣру Западныхъ бароновъ, то они придумывали для этихъ замковъ, по большей части, Нѣмецкія названія; и эти названія замковъ, опять таки согласно Западному обычаю, съ частицею *изъ*, соответствующею Нѣмецкому *von*, сдѣлались ихъ фамильными именами.

(*) Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ были: въ 1581 г. изгнаніе Чешскихъ братій; въ 1584 г. запрещеніе почитать Гуса и Іеронима какъ святыхъ; въ 1602 г. попытка возстановить Базельскіе компактаты въ томъ значеніи, какое они получили при Фердинандѣ, воспретить въ Чехіи протестантское богослуженіе и исключить прочестантовъ изъ всѣхъ должностей.

маловажномъ вопросѣ законодательства или земскаго управленія, при замѣщеніи каждой, самой ничтожной, должности, въ каждомъ внѣшнемъ проявленіи общественной жизни, встрѣчаются и борются другъ съ другомъ противоположныя стремленія этихъ двухъ партій. Очевидно, что всѣ эти безчисленныя мелкія столкновенія приведутъ наконецъ къ невозможности существовать вмѣстѣ: скоро уже раздвоеніе, образовавшееся въ Чешской аристократіи, должно будетъ разрѣшиться борьбою на жизнь и на смерть.

Въ другихъ странахъ, подвластныхъ Рудольфу, иезуиты дѣйствовали не менѣе усердно, чѣмъ въ Чехіи, но не имѣли тамъ такой сильной опоры въ самомъ обществѣ. Ихъ поступки, доходившіе иногда до невѣроятной наглости, возбудили въ аристократіи Венгерской и Австрійской (*) общее негодованіе противъ слабоумнаго государя, авторитетомъ котораго они прикрывались. Возстаніе началось въ Венгріи (**) и привело къ тому, что не только сама Венгрія, но и Австрія и Моравія отложились отъ Рудольфа и признали своимъ правителемъ

(*) Мы говоримъ, разумѣется, объ Австріи въ тѣсномъ смыслѣ, объ Австрійскомъ эрцгерцогствѣ: тамъ протестантизмъ, особенно въ Верхней Австріи, былъ въ то время чрезвычайно силенъ, къ нему принадлежала почти вся тамошняя аристократія

(**) Въ 1604 году. Вождемъ возстанія былъ извѣстный въ Венгерской исторіи Стефанъ Бочкай.

его брата Матіаса. Вездѣ возстановлена была вѣротерпимость и земская автономія. Руководитель Моравцевъ въ этомъ движеніи, Карль изъ Жеротина (одна изъ самыхъ благородныхъ личностей своего вѣка) призывалъ Чеховъ къ участию въ этомъ общемъ дѣлѣ. Тутъ-то обнаружилось, какъ сильно уже въ Чешскомъ обществѣ укоренилась придворно-іезуитская партія. Она не только успѣла остановить всѣ попытки Чеховъ присоединиться къ знамени освобожденія, поднятому въ Венгріи и Моравіи, но заставила сеймъ созвать земское ополченіе на защиту того Рудольфа, который давно уже сдѣлался посмѣшищемъ для всѣхъ и игрушкою въ рукахъ іезуитовъ. Конечно, дѣло не могло обойтись безъ нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу національной партіи. Такъ какъ протестантскіе чины составляли большинство сейма, то императоръ Рудольфъ принужденъ былъ дать имъ какое-то полуобѣщаніе признать свободу совѣсти.

Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ въ Чехіи, Матіасъ отказался отъ мысли занять мѣсто своего брата на Пражскомъ престолѣ (*). Обѣ родственныхъ земля, Моравія и Чехія пошли разными путями. Моравія сдѣлалась по старому странною ре-

(*) Онъ заключилъ съ Рудольфомъ договоръ въ Либнѣ (въ 1609 г.): Рудольфъ сохранилъ Чехію и императорскую корону, а Матіасъ былъ признанъ правителемъ Венгріи, Моравіи и Австріи.

людиозной свободы и аристократической вольности, въ Чехи наступили страшныя замѣшательства.

Тамъ національная протестантская партія оживилась и какъ бы воскресла духомъ съ тѣхъ поръ, какъ она, располагавшая сеймомъ по численному перевѣсу голосовъ, могла предлагать двору свои условія, и въ правѣ была приписать себѣ спасеніе Рудольфа. Съ нею уже не такъ легко было сладить; протестантскіе чины почувствовали свою силу,—и поступки противной партіи, ничтожныя въ сравненіи съ прежними сносившимися терпѣливо и едва возбуждавшими скромный протестъ, теперь могли, какъ искра, зажечь пожаръ.

Рудольфъ, по внушенію магнатовъ католиковъ и іезуитовъ, отказался исполнить обѣщаніе, данное въ минуту опасности, и не хотѣлъ объявить свободу вѣроисповѣданія. Протестантскіе чины взволновались на сеймѣ. Какъ въ 1547 году, такъ и теперь, въ 1609-мъ, они избрали временныхъ правителей, создали земское войско, назначили своихъ полководцевъ, но опять-таки не отважились идти далѣе и рѣшительнымъ шагомъ обезпечить независимость своей родины. Они удовлетворились вынужденнымъ насильственно у императора подписаниемъ «грамоты Величества», такъ называемаго *магистата*: эта аристократія Славянская, въ которой мы не разъ уже встрѣчали такое поразительное политическое неразуміе и которая однако представляла собою всю жизнь страны и самое бы-

тіе Чешской народности,—эта аристократія успокоилась тѣмъ, что полупомѣшанный Рудольфъ, постоянно опекаемый іезуитами, подписалъ, дрожащей отъ досады рукою, свое имя на листѣ пергамена, обещающемъ Чехіи свободу вѣроисповѣданья и сохраненія всѣхъ земскихъ правъ и вольностей (*).

Между тѣмъ, религіозная бѣрба, происходившая въ Чехіи, разыгрывалась во всѣхъ почти краяхъ Западной Европы. Вездѣ орденъ іезуитовъ успѣлъ произвести огромную реакцію въ пользу католицизма, и протестанты, какъ-бы очнувшись и ощутивъ свои повсемѣстныя потери, стали собираться съ силами для рѣшительнаго отпора. Въ Германіи образовалась «унія» протестантскихъ князей подъ покровительствомъ Французскаго короля Генриха IV, и въ противоположность ей, составилаь «священная лига» католическая, которую руководилъ Испанскій дворъ и которая главнымъ образомъ опиралась на силу Нѣмецкихъ Габсбурговъ. Интересы Чешскіе входили такимъ образомъ въ кругъ интересовъ обще-Европейскихъ, но только своею религіозною стороною. Въ отношеніи общественномъ и

(*) Придворно-католическая партія такъ явно высказывала свое намѣреніе не признавать обязательности этого документа, что одинъ изъ ея предводителей, „папъ“ Попель изъ Лобковидъ, который, какъ канцлеръ королевства, долженъ былъ контрастигировать грамоту положительно отказался эго сдѣлать.

политическомъ, не было между ними ничего общаго. Въ Германіи и вообще на Западѣ, обѣ стороны, протестантская и католическая, стояли на одной и той же почвѣ общественныхъ и государственныхъ понятій. Генрихъ IV и Филиппъ III Испанскій, Германскіе князья, протестанты и члены католической ляги, одинаково опирались на принципъ государственнаго полновластія, одинаково располагали всѣми средствами, которыми это начало, восторжествовавъ надъ остатками средневѣковой аристократической вольницы, вооружило Европейскія монархіи. Борьба шла между нами не за принципъ государственнаго устройства (*), а за религію и за политическое преобладаніе, которое католицизмъ доставлялъ Габсбургскому дому и его помощникамъ, протестантизмъ—Французскому двору и его союзникамъ. Одна только Чехія, поставленная посреди Западныхъ странъ, между Сѣверной и Южной Германіей, держалась еще другихъ началъ общественныхъ и государственныхъ, прикована была своею аристократіею къ среднимъ

(*) За исключеніемъ однако Франціи, гдѣ протестантизмъ являлся еще до нѣкоторой степени съ идеями средневѣковой аристократіи. Оттого Генрихъ IV, вступивъ на престолъ, отрекся отъ протестантизма, но внѣ Франціи продолжалъ покровительствовать ему всѣми мѣрами, для противодѣйствія Австрійско-Испанскому вліянію; оттого кардиналъ Ришелье, силою подбивая Ларошельскихъ протестантовъ государственной власти, въ то же время дѣятельно помогая протестантизму въ Германіи.

вѣкамъ. Въ сущности, Чехи не были ни за «унію» протестантскихъ государей, ни за «лигу» государей католическихъ; они жили другою жизнію общественной; религіозная борьба, между ними происходившая, принадлежала, можно сказать, къ другому міру. понятій и стремленій, нежели религіозная борьба въ Германіи: борьба протестантизма съ католичествомъ была въ Чехіи борьбою національной аристократіи съ олигархіею, искавшею опоры въ дворѣ лишь для утвержденія своего исключительнаго владычества. Между тѣмъ, успѣхъ протестантизма или католичества въ Чехіи составлялъ вопросъ первостепенной важности для Германіи, для всей Европы. По самому центральному положенію своему, Чехія могла, въ этомъ случаѣ, дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. По мѣрѣ того, какъ приближался разрывъ, какъ усиливалось предчувствіе неминуемой борьбы Европейской, вся Германія, - Франція, Испанія, Англія, Данія, словомъ все Западныя страны съ возрастающимъ участіемъ слѣдили за событіями въ Чехіи; и, съ своей стороны, обѣ партіи Чешскія тѣснѣе и тѣснѣе, такъ сказать, прижимались, одна къ протестантскому, другая къ католическому союзу на Западѣ. Онѣ какъ будто чувствовали, до какой степени Западныя страны, развитіемъ государственной организаціи, учрежденіемъ постоянныхъ армій, введеніемъ болѣе правильной финансовой системы, переросли ихъ несчастное отечество, остававшееся

при средневѣковой неурядицѣ. Обѣ партіи, и національная и олигархическая, спѣшили обезпечить себя вѣтшею поддержкою. Вмѣшательство Западныхъ силъ во внутреннюю борьбу Чешскихъ партій становилось неизбѣжнымъ.

Столѣтіе исключительнаго господства аристократическаго начала поставило Чехію въ положеніе безвыходное. Ея общественная организація осталась ветхою развалиной среди новыхъ зданій государственныхъ, возникшихъ въ ея сосѣдствѣ. И въ этой-то ветхой развалинѣ идетъ междоусобная борьба, исходъ которой влѣзетъ жизненную важность для сосѣдей; обѣ борющіяся стороны ищутъ между ними друзей и зовутъ ихъ на помощь. Но къ той ли, или къ другой сторонѣ подосилятъ помощь, все равно: при первомъ приступѣ извне, ветхая развалина рухнетъ и похоронитъ подъ собою все общество, въ ней живущее.

Первый приступъ досталось сдѣлать католической лигѣ, по естественному развитію историческихъ обстоятельствъ, источникъ которыхъ восходитъ къ тому времени, когда Чехи, связавъ свою судьбу съ Габсбургскою династіей, поставили себя въ безвыходную роль постоянныхъ бунтовщиковъ противъ своего католическаго правительства; и, какъ мы сказали, этого перваго приступа было довольно, — и Чехія лежала безжизненною развалиной у ногъ побѣдителя, которому самая побѣда ничего не стоила.

Представимъ въ нѣсколькихъ словахъ ходъ этихъ событій, завершающихъ исторію Чешскаго государства.

Мы видѣли, какъ національная партія въ Чешской аристократіи, составляя огромное большинство на земскомъ сеймѣ и почувствовавъ свое значеніе, когда ей представился случай снасти корону императора Рудольфа, вышла изъ прежней своей апатіи и начала довольно рѣшительно противождать усиленіямъ придворныхъ олигарховъ и іезуитовъ; мы видѣли, какъ она вымогла у Рудольфа исполненіе своего обѣщанія—соблюдать свободу неповѣданія и земскія права. Мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ тотчасъ явилась придворно-іезуитской партіи и она сдѣлала попытку, которая, правда, не удалась вслѣдствіе нерѣшительности императора, но которая могла служить уже «признакомъ времени». Именно, въ союствѣ съ Чехією, въ независимомъ Пассаускомъ епископствѣ, которымъ управлялъ Габсбургскій принцъ-епископъ Леопольдъ, стояло войско, набранное въ виду какихъ-то разстроившихся предпріятій на Рейнѣ и которому нечего было дѣлать. Вдругъ, по знаку, данному изъ Праги, 13 тысячный корпусъ Пассауцевъ вступаетъ въ Чехію и, овладѣвъ по дорогѣ нѣсколькими городами, врывается въ столицу. Но дѣло было ведено безпорядочно, не было настоящаго вождя. Чехи успѣли кое-какъ приготовиться къ оборонѣ, и Рудольфъ, испугавшись и потерявъ

голову, отрекся отъ всякаго участія въ этомъ предпріятіи. Чешскіе чины и собранное ими на- скоро войско выпроводилъ Пассауцевъ. Національ- ная партія, страшно раздраженная, подняла бурю на сеймѣ, взяла Рудольфа подъ стражу и чуть- было не открыла суда надъ священнѣйшею особою Римскаго императора. Почти рѣшено было устра- нить вообще всю Габсбургскую династію; но маг- наты-католики были уже слишкомъ вліятельны и слишкомъ тѣсно связаны съ этою династіей. Одинъ изъ нихъ, Вячеславъ Квинскій, — недавно участво- вавшій въ заговорѣ о призваніи Пассаускаго вой- ска, довѣренное лицо Испанской дипломатіи, — умѣлъ ловкою тактикою поставить себя во главу патриотическаго движенія Чеховъ и поворотилъ его въ пользу Матіаса: Рудольфомъ пожертвовали, принудили его отречься отъ престола, но Чешская корона осталась въ Габсбургскомъ домѣ. Рудоль- фовъ братель Матіасъ былъ признанъ Чешскимъ ко- ролемъ (1611 г.).

Во время этихъ замѣшательствъ, земля Чеш- ская возвратилась къ полному разгулу аристокра- тической анархіи, среди которой однако дѣйстви- тельная власть принадлежала уже преимущественно нѣсколькимъ магнатамъ, преимущественно католи- ческой партіи. Вскорѣ поднятъ былъ вопросъ о наследствѣ престола, такъ какъ у старика-Маті- аса не было дѣтей. Онъ усыновилъ и назначилъ своимъ преемникомъ, мимо родныхъ своихъ братьевъ,

двоюроднаго брата эрцгерцога Фердинанда, заслужившаго это предпочтеніе огромнымъ своимъ значеніемъ въ лѣтъ католическихъ государей и покровительствомъ, которое ему оказывали іезуиты. Это была, дѣйствительно, самая энергическая, самая цѣльная личность между Габсбургами, какую помнитъ исторія. Первую славу свою онъ пріобрѣлъ еще въ концѣ XVI вѣка, когда онъ, управляя Штирією, Каринтією и Краинною, въ продолженіе пяти лѣтъ, съумѣлъ, вооруженною силою, т. е. цѣлымъ рядомъ систематически организованныхъ и распределенныхъ военныхъ экзекуцій, обратить эти области изъ протестантизма въ католичество. Теперь Чешскому сейму предстояло рѣшить: признаетъ ли онъ этого эрцгерцога будущимъ королемъ Чешскимъ, или отвергнетъ выборъ Матіаса; ибо, надобно помнить, Чешскій престолъ оставался до сихъ поръ избирательнымъ. Протестантское, національное большинство сперва рѣшительно воспротивилось назначенію наслѣдникомъ престола челоуѣка, который такъ рѣзко заявилъ свои убѣжденія въ Штирію. Снова возникла мысль покончить вообще съ Габсбургами (*). Но като-

(*) „Всею Чешскою землею говорятъ, чтобъ быть поелъ Цесаря (Матіаса) на Чешкой землѣ королемъ Сакскому курфирсту“, писали въ 1616 г. въ Москву послы Мясной и Пустниковъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. II, стр. 1326). Если настоящія строки попадутся кому-

лическіе магнаты успѣли завладѣть собраніемъ и, заставивъ главныхъ двигателей національной партіи удалиться, провели выборъ Фердинанда, котораго тотчасъ же короновали гаранте, какъ будущаго короля Чешскаго. Для успокоенія сейма, онъ присягнулъ хранить права и вольности Чешской земли.

Два раза въ теченіи ста лѣтъ Чешская аристократія совершала, можно сказать, сознательно убіиство надъ самой собою и своимъ отечествомъ: въ первый разъ совершило его все высшее сословіе въ совокупности, когда оно, послѣ престѣченія Польской династіи, добровольно отдало Чехію Габсбургамъ (въ 1526 г.); во второй разъ его совершила выдѣлившаяся изъ среды аристократіи олигархія, когда она (въ 1616 г.) посадила на престоль въ Прагѣ злѣйшаго врага всему, что составляло самое бытіе Чехіи.

Разрывъ между національной партіей и правительствомъ, душою котораго былъ Фердинандъ, предстоялъ неминуемо. Какъ скоро будущность казалась обезпеченною его признаніемъ и коронаціею, католическая партія приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ, начала закрывать и разрушать протестант-

либо изъ Чеховъ, разработывающихъ исторію своего отечества, то мы желали бы обратить ихъ вниманіе на это важное изданіе, въ которомъ найдутся разныя любопытныя подробности относительно Чешскихъ и вообще Австрійскихъ дѣлъ.

скія церкви, и Матіасъ, на жалобу Чешскихъ чиновъ, отвѣчалъ изъ Вѣны, что это дѣлалось по его приказанію и что тѣ, которые жаловались — мятежники. По выслушаніи такого отвѣта, Чехи остались на минуту въ недоумѣніи, но вдругъ рѣшились распорядиться, «по старо-Чешскому обычаю», — и выбросили въ окно двухъ королевскихъ намѣстниковъ вмѣстѣ съ правительственнымъ секретаремъ (*). Дѣйствительно, обычай былъ старо-Чешскій: ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, народъ, подъ предводительствомъ Жижки, выбросилъ въ окно Пражскихъ ратмановъ, и открылъ этимъ Гуситскую войну. Но Чехія была уже не та, какъ въ старину. Теперь не народъ вооружался подъ вдохновеніемъ высокой идеи, а бушевала только одна аристократическая партія.

Партія эта, повторяя въ третій разъ одинъ и тотъ же образъ дѣйствія, составила временное пра-

(*) Это случилось 26 Мая 1618 года. Имена выброшенныхъ намѣстниковъ вами уже упомянуты: это были „панъ“ Ярославъ изъ Мартиницъ и „панъ“ Вильгельмъ Славата; секретаря звали Филиппъ Фабриціусъ Платтеръ. Извѣстно, что не смотря на высоту паденія (около 7 сажень), они не убились, попавъ на кучу навоза. Ихъ спасла отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій „нава“ Поликсена изъ Лобковицъ; впоследствии Мартиницъ и Славата страшно мстили своимъ соотечественникамъ за этотъ поступокъ и послужили Фердинанду II и иезуитамъ превосходными орудіями въ той ужасающей „операци“, которую они, послѣ побѣды, предприняли надъ Чешскимъ народомъ.

вительство и созвала земскую рать, поручивъ начальство надъ нею одному изъ знатнѣйшихъ протестантовъ Чехіи, Генриху Турну, оправдавшему этотъ выборъ замѣчательными военными дарованіями. Въ то же время, однако, она вела переговоры съ Матіасомъ, надѣясь еще уладить дѣло миромъ. Но Габсбургское правительство было радо случаю встрѣтиться съ Чехами, какъ съ открытыми бунтовщиками, и рассчитывало на вѣрную побѣду. тѣмъ болѣе, что имѣло въ самой Чехіи на своей сторонѣ сильную католическую партію. Войска Габсбургскія вступили въ Чехію и начали дѣйствовать противъ Турна; но первая кампанія была для нихъ весьма неудачна, благодаря искусству Чешскаго полководца и неспособности Австрійскихъ генераловъ.

Дѣло Чешской аристократіи не могло уже стать народнымъ дѣломъ. Между аристократіей и народомъ какъ будто не осталось ничего общаго. Народъ началъ возставать только нѣсколько лѣтъ спустя, когда дѣло было уже окончательно проиграно аристократіей и когда Габсбургское мщеніе, со всеми своими ужасами, коснулось непосредственно домашняго очага поселянина: тогда было поздно, и эти частыя вспышки престоляродья легко тушились въ потокахъ крови. Но пока дѣйствовала одна аристократія, и хотя она поднялась и пошла въ бой за независимость отечества, за права Чешской земли, за свободу народнаго исповѣданія, на-

родъ однако оставался совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ. Онъ поставлялъ рекрутъ въ земскую рать, когда являлись ихъ требовать, но не выходилъ изъ анагіи, въ которую привела его сама аристократія, сосредоточивъ въ себѣ всю земскую жизнь (*).

(*) Пусть не обвиняютъ насъ въ одностороннемъ изображеніи и искаженіи характера Чешскихъ событій оттого, что мы, говоря объ аристократіи и ея вліяніи на судьбу Чехіи, упускаемъ изъ виду городское сословіе и духовенство. Если бы мы имѣли возможность вдаваться въ частности, выставять не только самыя крупныя и общія черты, но и ихъ оттѣнки, то мы оставались бы и на этихъ сословіяхъ. Но ихъ значеніе было второстепенное: аристократія была главнымъ съ конца XV вѣка, а со второй половины XVI-го единственнымъ существеннымъ факторомъ, если можно такъ выразиться, Чешской исторіи. Горожане примыкали къ ней и, какъ протестанты, слѣдовали движеніямъ національной партіи аристократической. Съ половины XVI вѣка они не представляли собою никакого самостоятельнаго политическаго направленія. Въ отношеніи къ народу, городское сословіе составляло также нераздѣльное цѣлое съ аристократіей, ибо привилегіи средневѣковыхъ „бюргеровъ“ совершенно отдѣляли его отъ низшихъ классовъ; для народа они были такою же почти аристократіей, какъ паны и рыцари. Что касается до духовенства, то оно только во время Гуситскихъ войнъ играло значительную политическую роль въ Чехіи. Впослѣдствіи, духовенство Гуситское, сдѣлавшееся съ теченіемъ времени протестантскимъ, являлось, какъ весьма второстепенная сила, въ рядахъ національной аристократической партіи, а туземное духовенство католическое (самое многочисленное) слѣдовало послушно внушеніямъ и духоводству іезуитовъ и магнатовъ-католиковъ и входило въ составъ ихъ партіи. Впрочемъ, ни протестантское, ни католическое духовенство не составляло въ Чехіи признаннаго „земскаго сословія“ и не участвовало въ сеймѣ.

Вожди движенія до такой степени чувствовали слабость свою, что рѣшились нанять къ себѣ въ службу иностраннаго генерала Мансфельда съ 14-тысячнымъ корпусомъ войскъ, который былъ имъ набранъ въ разныхъ краяхъ Германіи.

Императоръ Матіасъ умеръ. При открытой войнѣ съ Габсбургскимъ домомъ, національная партія Чешская не могла, очевидно, признать за его преемникомъ Фердинандомъ правъ на Чешскій престолъ. Она избрала королемъ Чешскимъ Фридриха, Пфальцскаго курфирста, человекъ совершенно неспособнаго, но который, какъ зять короля Англійскаго и какъ глава «уніи» Нѣмецкихъ протестантскихъ князей, подавалъ Чехамъ, болѣе всѣхъ другихъ кандидатовъ, надежду на сильную иностранную помощь. Въ то же время, на защиту Чеховъ явились Венгерскія войска, посланныя Седмиградскимъ княземъ Бетленомъ. Дѣло Чешское все болѣе и болѣе теряло національное значеніе, иностранные союзники скоро взяли его совершенно въ свои руки. Король Фридрихъ отстранилъ даже знаменитаго вождя Чешскаго, Турна, который съ своею небольшою арміею сдѣлалъ чудеса и чуть не взялъ самой Вѣны; вмѣсто его, предводительство было поручено герцогу Христіану Ангальтскому, какъ главному военному начальнику протестантской «уніи» въ Германіи. Такимъ образомъ, въ 1620 году, вели защиту правъ и независимости Чешской земли: Нѣмецкій принцъ Ангальтъ, Венгерскій вождь Бор-

немисса и наемный генераль Мансфельдъ; а противъ нихъ шли, на выручку католической партіи въ Чехіи: Баварскій герцогъ Максимилианъ, вождь «священной лиги» въ Германіи; Австрійскій генераль Бюкуа (Visconti) съ Нѣмецкими и Бельгійскими полками; Испанскій генераль довь Балтазаръ Маррадасъ и наконецъ, Польскій шляхтичъ Калиновскій съ отрядомъ «Лисовчиковъ» (*), недавно дравшихся и разбойничавшихъ въ Московскомъ государствѣ и которыхъ король Польскій Сигизмундъ III препроводилъ теперь на службу къ Габсбургамъ.

8 Ноября 1620 г. произошла битва на Бѣлой-Горѣ у Праги. Сама по себѣ, битва была вовсе незначительная, въ ней участвовала только малая часть войскъ (съ каждой стороны около 20 тысячъ) и хотя побѣда одержана была Габсбургскою стороною, однако дѣло, казалось бы, не могло считаться проиграннымъ. Еще Прага способна была выдержать долгую осаду и въ ней собирались бѣжавшіе съ Бѣлой-Горы полки; еще было у столицы 17 баталіоновъ свѣжаго войска; еще новые отряды Венгерцевъ подходили на помощь; еще Мансфельдъ стоялъ въ тылу у непріятеля, и положеніе побѣдителей было крайне опасное. Но

(*) Подъ этимъ именемъ обозначались остатки шаекъ, образовавшихся, подъ начальствомъ Лисовскаго и другихъ вождей, во время вмѣшательства Поляковъ въ Московскія дѣла при Самозванцахъ.

жизнь оглетѣла изъ Чешскаго стана, изъ Чешскаго общества. Все тамъ потеряло голову. Герцогъ Ангальтскій совѣтоваль королю Фридриху бросить Чешское дѣло, потому что «Чехи колеблются, говорилъ онъ: они ненадежны». Правъ ли онъ былъ или нѣтъ въ этомъ сужденіи, но Фридрихъ малодушно покинулъ страну, вручившую ему свою послѣднюю защиту. Какъ только онъ уѣхалъ, все рухнуло въ Чехіи. Всякая мысль о сопротивленіи исчезла. Все отдалось, все покорилось безусловно Фердинанду.

Этимъ кончается исторія Чехіи, какъ государства. Наша задача исполнена. Мы прослѣдили, на сколько могли, внутреннее развитіе этого Славянскаго государства, чрезъ всю его, безъ малаго тысячелѣтнюю, исторію, сперва чрезъ ту эпоху, въ которую средневѣковой Западъ подчинилъ Чеховъ своимъ религіознымъ и общественнымъ стихіямъ, потомъ чрезъ эпоху революціи, когда Славянская народность въ Чехіи, подъ знаменемъ религіозной идеи, сохраненной издревле, пыталась вырваться изъ оковъ Западнаго міра, и за тѣмъ, чрезъ всѣ ступени возстановленія господства Западныхъ началъ преимущественно въ лицѣ аристократіи, которая, поглотивъ въ себѣ всю общественную жизнь страны, наконецъ сама въ себѣ разложилась и бросила Чехію, какъ безсильную жертву, къ ногамъ Габсбурга. И въ этомъ Габсбургѣ, въ этой страшной личности Фердинанда II, какъ

будто соединились — и вся накипѣвшая злоба ультрамонтанскаго фанатизма противъ народа, который первый на Западъ стряхнулъ съ себя иго Римской бюократіи и двѣсти лѣтъ держалъ въ Европѣ знамя „религіозной свободы, — и вся накопившаяся жажда мести Германскаго міра противъ чуждаго племени, которое столько разъ покрывало позоромъ Германскія ополченія, — и вся ненависть торжествующаго деспотизма къ странѣ, цѣлое столѣтіе тягавшейся съ нимъ за свои права и вольности.... Но наша задача кончена, и здѣсь не мѣсто было бы описывать, какъ этотъ мучитель съ глубокой проніей выберетъ себѣ орудія между Чешскими магнатами, мечтавшими о собственномъ самовластіи; какъ онъ начнетъ мучить свою жертву, какъ онъ нарушается надъ ея святыней, принудить ее отречься отъ всего, что ей завѣщало многовѣковое славное прошедшее, забыть самое прошедшее; какъ онъ будетъ медленно выпускать изъ нея кровь и оставить ее своимъ преемникамъ недвижимымъ трупомъ, въ надеждѣ, можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ она убита на вѣки (*).

(*) Мы опасаемся, чтобы нѣкоторые изъ читателей, незнакомые съ подробностями дѣйствій Фердинанда II въ Чехіи, предавшейся безусловно, послѣ Бѣлогорской битвы, „его милосердію“, не сочли преувеличенными и фантастическими наши выраженія о „мучитель“ и „жертвѣ“. Напротивъ того, никакія слова не могутъ передать тѣхъ ужасовъ, которые совершены были тогда Габсбургскимъ правителемъ надъ Чехією, — и того безсилія,

Изъ предѣловъ нашего изслѣдованія выходятъ также и тотъ современный намъ періодъ, въ кото-

съ какимъ Чехія сносила всѣ эти, постепенно усиливаемыя, изгнанія. Чтобы дать о томъ нѣкоторое понятіе, представимъ хронологическій перечень главнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій и другихъ событій, постигшихъ Чехію послѣ Бѣлогорской битвы, занимая этотъ перечень изъ исторіи Целъцеля (Geschichte von Böhmen), напечатанной въ 1782 году, книги крайне сухой, но извѣстной своею добросовѣстностью и авторъ которой выказываетъ даже преданность Лаубургской династіи.

1620 г. Тотчасъ послѣ сдачи Праги, солдаты, по наущенію іезуитовъ, собираютъ изъ домовъ книги на Чешскомъ языкѣ и сжигаютъ ихъ, безъ разбора, на площадяхъ.

1621 г. 3 Марта. Всѣ профессора и священники кальвинисты или члены *братской секты* принуждены немедленно покинуть Чехію.

1621 г. Юня 21. Казня 47 „мучениковъ Пражскихъ“, т. е. всѣхъ славнѣйшихъ представителей національной партіи и просвѣщенія въ Чехіи.

1621 Юня 22. Важнѣйшіе изъ Пражскихъ горожанъ высѣчены и высланы изъ Чехіи: одинъ изъ нихъ, Николай Дивишъ, былъ предварительно продержанъ дѣлшій часъ пригвожденнымъ за языкъ къ висѣлицѣ.

1621, въ теченіи остальныхъ мѣсяцевъ. Всѣ протестантскіе священники высланы изъ Чехіи, съ конфискаціею имущества, какъ и у всѣхъ прочихъ казненныхъ или изгнанныхъ. Для исполненія этого, отряды друиновъ разосланы по всей сторонѣ.

1622, 5 Марта. Протестанты удалены отъ всѣхъ должностей.

1622, 30 Апрѣля. Изъ Пражскаго университета удалены всѣ прежніе преподаватели и онъ переданъ іезуитскому ордену.

рый Чехія, послѣ двухсотъ-лѣтняго летаргическаго сна, мало-по-малу возвращается къ жизни: ибо

Объявлено всепрощеніе всѣмъ участникамъ возстанія, которые сознаются въ такомъ участіи и принесутъ повинную. На это приглашеніе отзываются 728 „пановъ“ и рыцарей, большинство Чешской аристократіи. Записавъ ихъ имена, какъ бывшихъ мятежниковъ, у нихъ конфискують имѣнія, на сумму 24 милліоновъ „копѣ“ грошей („кова, грошей стѣла около 5 флориновъ серебромъ). Послѣ этого распоряженія, одинъ изъ рыцарей, Ржичанъ, старался возбудить возстаніе въ народѣ, но оно было легко подавлено.

1623, 18 Января. Чаша и мечъ, сооруженные Юріемъ Подѣбрадскимъ на фронтѣ Тынскаго собора, какъ символъ религіозной и политической независимости Чехіи, уничтожены. Прахъ Рокитаны сожженъ.

1624. Въ Чехіи воспрещено всякое не католическое богослуженіе. Иновѣрцы не могутъ принадлежать къ городскому сословію и заниматься ремеслами въ городахъ. Преобразование протестантскихъ церквей въ католическое.

1624, Марта 24. Новое распоряженіе: никто, кромѣ католиковъ, не имѣетъ права жениться; всѣ, прежде заключенные протестантами браки признаются незаконными (надобно помнить при этомъ, что протестантизмъ не составлялъ въ Чехіи какой-нибудь незначительной религіозной общины; нѣтъ, болѣе девяти десятыхъ Чешскаго населенія принадлежали въ то время къ протестантизму. Такимъ образомъ, удары, направляемые подъ предлогомъ религіозной ревности, противъ протестантизма, въ дѣйствительности поражали *всю народность Чешскую*, и избавлялись отъ нихъ, какъ католики, только иностранцы, тамъ обитавшіе, да магнаты придворной партіи).

1626. Всѣ протестанты, живущіе въ Чехіи, обязаны къ положенному сроку обратиться въ католическую вѣру. Не исполнившіе этого, лишаются, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, права заниматься ремеслами и

она ожила не какъ государство, а какъ народность; а въ состояніи ли будетъ эта народность

продавать что бы то ни было; больные, находящіеся въ госпиталяхъ, если не обратятся, выгоняются оттуда, каково бы ни было ихъ болѣзненное состояніе.

Множество штрафовъ и другихъ наказаній положено для тѣхъ, которые будутъ уклоняться отъ исполненія обрядовъ католической церкви.—Всѣ протестанты въ Прагъ, которые не обаяются немедленно обратиться, изгоняются за границу.

1626 и 1627 г. Отряды и даже цѣлыя полки разсылаются по всѣмъ городамъ и деревнямъ Чехіи для производствъ тамъ „реформаціи“, т. е. насильственнаго обращенія протестантовъ въ католицизмъ. При этомъ страшныя жестокости и поруганія святыни религіозной и нравственной. Вотъ характеристическій случай, разсказываемый Пельцелемъ. Одному Чешскому чиновнику Пржибику Евишеку, поручено было „реформировать“ городъ Домажлицы (по Нѣм. Taus), но онъ встрѣтилъ въ жителяхъ непреклонное упорство и жаловался на свою неудачу одному изъ своихъ товарищей по этому дѣлу, начальнику „реформаціоннаго“ отряда, Испанцу донъ-Мартину де-Хуерда. Испанецъ побился съ нимъ объ закладъ на 50 червонцевъ, что онъ съумѣетъ „реформировать“ городъ Домажлицы. Вступивъ туда съ своимъ отрядомъ, онъ расположилъ тамъ на квартиру въ каждый домъ по нѣскольку своихъ солдатъ, — и черезъ нѣсколько дней жители Домажлицы явились къ нему съ полною готовностью отречься отъ протестантизма. Выигравъ свой закладъ, донъ-Мартинъ де-Хуерда сжался надъ Евишекомъ и заставлялъ Домажлицкихъ жителей заплатить за него проигранныя ему, донъ-Мартину, деньги. — Въ г. Прохатицахъ жители вѣдунули замѣщаться: ихъ было убито 1660 чел. Такія же страшныя сцены происходили по деревнямъ. Возстаніе поселянъ, въ Куржешскомъ округѣ, подавлено со страшными

создать себя когда либо государственную форму, или осуждена жить вѣчно подъ чужою властію,

жестокостями.—Громадная, повсемѣстная эмиграція изъ Чехіи.

1627 г. въ Ноябрь. Самъ императоръ Фердинандъ II пріѣзжаетъ въ Прагу и созываетъ сеймъ. „Грамота Величества“ императора Рудольфа (по которой Чехи должны были пользоваться свободой вѣроисповѣданья), право избранія короля, обязательность Чешскаго языка въ судахъ и земскомъ управленіи—объявлены уничтоженными; католическое духовенство введено въ сеймъ, какъ особое сословіе и поставлено во главу прочихъ сословій. Учрежденъ въ Прагѣ „реформаціонный“ судъ изъ нѣсколькихъ магнатовъ и духовныхъ лицъ съ неограниченною властію преслѣдовать протестантизмъ. Вслѣдствіе распоряженій этого суда, до 30.000 семействъ, въ томъ числѣ 158 аристократическихъ родовъ по численію канцлера королевства, Вильгельма Славаты (намъ уже извѣстнаго), покидаютъ Чехію. Распоряженія эти возбуждаютъ двѣ вспышки народнаго возстанія, которыя легко подавлены.

Затѣмъ, послѣ побѣды Густава-Адольфа у Лейпцига, въ 1631 г., Чехія на семь мѣсяцевъ опять освобождена была отъ Габсбургской власти и перешла въ руки протестантовъ. Но всѣ предъидущія мѣры Фердинанда такъ удачно ее dokonали, что она даже не пошевелилась отъ этой перемѣны и до конца тридцатилѣтней войны оставалась пассивнымъ театромъ войны между Шведами и Австрійцами, страшно страдая отъ разоренія съ обѣихъ сторонъ. Къ концу 30-лѣтней войны она даже какъ бы привыкла къ Габсбургской власти, такъ что въ 1648 г. жители Праги вооружились на помощь Австрійскому войску и храбро отражали приступы Шведовъ; за что новый императоръ Фердинандъ III, по заключеніи мира, объявилъ Чехамъ прощеніе и запретилъ поминать ихъ прошлыя вины. Въ Чехіи оставалось 800.000 жителей, а предъ началомъ тридцатилѣтней войны—ихъ считалось до трехъ милліоновъ.

или, наконецъ, найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь Славянскомъ союзѣ, предсказать это не рѣшится самый смѣлый пророкъ. Только мы видимъ, что новая Чехія имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели Чехія прежнихъ временъ. Чешское государство умерло при господствѣ аристократическаго начала, новая Чехія воскресаетъ изъ среды простаго народа.

Мы должны перейти къ обзорѣнїю исторїи прежняго Польскаго государства.

БОЛГАРСКІЯ ИНОКНИ

ВЪ МОСКВѢ.

По всемілостивѣйшему Государя Императора разрѣшенію и съ благословенія Святѣйшаго Синода прибыли въ Москву Болгаро-Славянскія инокни. Филипопольской епархіа, села Калофера, общежительной обители Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, Харитина и Евдокія, для сбора добровольныхъ пожертвованій на возобновленіе церкви, пришедшей въ упадокъ и для устройства при ней дѣвичьяго училища, гдѣ предполагается дать религіозное образованіе и приютъ бѣднымъ и несчастнымъ дѣвочкамъ, которыхъ Турки нерѣдко насильственно отнимаютъ у родителей,—а также и безпризорнымъ сироткамъ. Съ сердечной благодарностію и теплыми молитвами будутъ приняты посылаемая жертвы благочестивыхъ благотворителей. Кромѣ того церковь не имѣетъ необходимой для Богослуженія утвари, иконъ и церковныхъ книгъ.

Инокниа: Харитина и Евдокія жительство имѣютъ въ Москвѣ, на Никитской улицѣ, въ Никитскомъ дѣвчьемъ монастырѣ; онѣ принимаютъ посѣтителей по Середамъ и Пятницамъ.

Одобрено ценсурой. Москва, Ноября 16, 1862 г.